Нил

Гейман

ХРУПКИЕ ВЕЩИ

Рассказы, примыкающие к циклу «Американские боги»

Нил Гейман

Аннотация
Нил Гейман. Рассказы, примыкающие к циклу «Американские боги»
Предисловие
Сувениры и сокровища
Страницы из дневника, найденного в коробке из-под обуви, забытой в междугородном автобусе где-то между Талсой, штат Оклахома, и Луисвилл-лом, штат Кентукки
Повелитель Горной долины. новелла из цикла «Американские боги»
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая

Аннотация

В предисловии к сборнику рассказов «Хрупкие вещи» Гейман подробно описывает – как, когда и при каких обстоятельствах он придумал тот или иной рассказ. По традиции, предисловие содержит также и небольшое отступление, рассказ «Картограф», из которого мы узнаем – какая существует связь между рассказами и географическими картами, – вставную новеллу, не вошедшую в окончательный вариант романа «Американские боги».

Рассказ «Сувениры и сокровища» о мистере Элисе. Мистер Элис – один из десяти самых богатых людей во всем мире, гораздо богаче и Билла Гейтса, и султана Брунея. Как и остальные девять, он тратит немалые деньги на то, чтобы никакой информации о нем никогда не появилось в печати. А ещё мистер Элис всегда получает то, что хочет – даже когда он хочет самого красивого юношу на Земле…

Главный герой рассказа «Страницы из дневника, найденного в коробке» находит в Лас-Вегасе открытку с надписью: «Помни». Он

отправляется на поиски женщины с рыжими волосами. И путь его не близок…

После описанных в «Американских богах» событий Тень отправился в путешествие по Европе; спустя полтора года его занесло в захолустный шотландский городок, где ему предложили послужить охранником на предстоящем в ближайший уик-энд пикнике «сильных мира сего». Казалось бы, все просто, но Тень чувствует, что роль его предполагается куда более активной и важной. События описаны в рассказе «Повелитель Горной долины».

Нил Гейман

Рассказы, примыкающие к циклу «Американские боги»

Посвящается Рэю Брэдбери и Харлану Эллисону

Предисловие

Я вообще много пишу в самолетах. В самом начале работы над «Американскими богами», я написал небольшой рассказ как раз в самолете, по дороге в Нью-Йорк. Я был уверен, что обязательно вставлю его в роман, но в итоге так и не сумел найти ему место. Когда книга вышла, и этой истории там не было, я переделал ее в рождественскую открытку, отправил кому-то и напрочь о ней забыл. А спустя пару лет издательство «Hill House Press», которое выпускает ограниченные тиражи моих книг в потрясающем оформлении, разослало своим подписчикам этот рассказ под видом собственной рождественской открытки.

Я не придумывал ему названия. Назовем его

КАРТОГРАФ

Как лучше всего описать историю? Рассказать эту историю. Понимаешь? Для того чтобы составить себе представление об истории, для того чтобы дать представление об этой истории другим, ее следует рассказать. Это деяния уравновешивания, и вместе с тем — это сон. Чем

подробнее карта, тем больше сходства она имеет с реальной местностью. Значит, самая подробная карта и будет местностью. Карта, которая будет предельно точной и предельно бесполезной.

История есть карта, которая есть местность. Об этом следует помнить.

Тому назад двести лет правил в Китае один император, одержимый идеей составить подробную карту страны, находившейся под его властью. И по императорскому повелению весь Китай был воссоздан в миниатюре на небольшом островке, сооруженном ценою немалых расходов и даже ценой человеческих жизней (ибо вода глубока была и холодна) посреди озера в имперских владениях. На этом острове каждая гора превратилась в холмик над кротовой норой, каждая река — в крошечный ручеек. Император обходил весь остров по кругу ровно за половину часа.

Каждое утро, в бледном предрассветном свечении, сто мужчин добирались до острова вплавь и приводили его в порядок: чинили и восстанавливали все детали ландшафта, попорченные погодой, или дикими птицами, или водами озера. Также они разбирали и перестраивали участки, поврежденные в действительности — наводнениями, землетрясениями и обвалами, — дабы

карта на острове отражала мир правильно. Таким, каким он был на самом деле.

Император был очень доволен, и так продолжалось почти целый год, а потом начал он замечать, что снедает его недовольство, и остров больше не мил его сердцу, и каждую ночь, перед тем как заснуть, раздумывал он над созданием новой карты, в сотую долю своей империи. Каждая хижина, каждый дом, каждый дворец, каждое дерево, каждый холм, каждый зверь будет представлен на ней точной копией в сотую долю реальных размеров.

Это был грандиозный план, для его осуществления пришлось бы опустошить всю имперскую казну. А сколько людей надо было задействовать — то поистине непостижимо уму. Люди, которые чертят карты. Люди, которые измеряют и вычисляют. Землемеры, топографы, счетоводы, художники. Ваятели, гончары, строители и прочие ремесленники. Шесть сотен профессиональных сновидцев должны были бы прозреть природу вещей, скрытых под корнями деревьев, и в самых глубоких горных пещерах, и на дне беспокойных морей, ибо на безупречной карте должны быть представлены обе империи: видимая и невидимая.

Таков был императорский план.

Министр правой руки осмелился возразить своему императору, когда они прогуливались по ночному дворцовому саду под исполинской золотой луной.

— Вы должны понимать, ваше императорское величество, — сказал министр правой руки, — что ваш замысел…

Тут он запнулся, ибо ему не хватило отваги продолжить. Бледный карп поднялся к самой поверхности, пробив спиной пленку воды, и отражение луны рассыпалось на сотню дрожащих осколков, и каждый был сам по себе, словно крошечная луна, а потом эти луны слились в цельный круг отраженного света, круглое золотое пятно на воде цвета ночного неба — такого насыщенного густо-багрового, что никто бы не стал называть его черным.

— Невозможно осуществить? — мягко подсказал император. Когда императоры и короли проявляют мягкость. В эти мгновения они наиболее опасны.

— Для императора нет ничего невозможного. Каждое его желание — закон, — сказал министр правой руки. — Однако осуществление данного плана будет стоить недешево. Для того чтобы

сделать такую карту, придется опустошить императорскую казну. Придется снести города и селения, дабы освободить землю под вашу карту. И что останется вашим потомкам? Государство, которым они не сумеют править, ибо нищий правитель — уже не правитель. Как ваш советник, я пренебрег бы своими обязанностями, сели бы не попытался вас отговорить.

— Может быть, ты прав, — сказал император. — Может быть. Но если я соглашусь с тобой и забуду о карте, если мой план так и останется неосуществленным, эта несбывшаяся мечта станет томить мою душу, и захватит мой разум, и испортит вкус пищи на языке и вкус вина у меня во рту.

Император умолк на мгновение. Стало слышно, как где-то поет соловей.

— Но эта карта, — сказал император, — все равно только начало. Ибо, как только она воплотится, даже прежде того, как она воплотится, все мои помыслы будут направлены к новой задаче. И это поистине будет шедевр.

— И что это будет? — спросил министр правой руки.

— Карта, — сказал император. — Карта империи, на которой каждое здание будет представ-

лено в свою натуральную величину, каждая гора — точно такой же горой, каждое дерево — деревом того же вида, размера и высоты, каждая река — рекой, каждый человек — человеком.

Министр правой руки поклонился и пошел, погруженный в раздумья, следом за императором, сохраняя дистанцию в положенные три шага.

В летописях говорится, что император умер во сне, и у нас нет оснований не верить, что именно так все и было — хотя мы могли бы заметить, что эта смерть не была полностью ненасильственной, и что старший сын императора, правивший после отца, не питал интереса ни к картам, ни к картографии.

Остров на озере превратился в подлинный рай для птиц, как водоплавающих, так и просто летучих, ибо некому было их разгонять. Птицы распотрошили миниатюрные горы из мягкой глины, растащили их по кусочкам на строительство гнезд, и озерные воды размыли берег, и со временем остров исчез, и осталось лишь озеро.

Карты не стало, не стало картографа, но земля продолжает жить.

СУВЕНИРЫ И СОКРОВИЩА

Этот рассказ, с подзаголовком «История одной

любви», начинался как комикс, сделанный для нуар-антологии «В Лондоне темно», составленной Оскаром Зарате и проиллюстрированной Уорреном Плисом. Уоррен нарисовал замечательно, но я был не очень доволен своей историей, и мне никак не давал покоя один вопрос: почему человек, называющий себя Смитом, стал таким, каким стал? Эл Саррантонио попросил меня сделать рассказ для сборника «999», я решил вновь обратиться к истории мистера Смита и мистера Элиса. Кстати, они появляются в еще одной вещи из этого сборника.

Мне кажется, что есть еще много историй об отталкивающем мистере Смите, которые стоило бы рассказать. Меня особенно интересует та, где пути мистера Смита и мистера Эллиса расходятся окончательно.

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА, НАЙДЕННОГО В КОРОБКЕ ИЗ-ПОД ОБУВИ, ЗАБЫТОЙ В МЕЖДУГОРОДНОМ АВТОБУСЕ ГДЕ-ТО МЕЖДУ ТАЛСОЙ, ШТАТ ОКЛАХОМА, И ЛУИСВИЛЛОМ, ШТАТ КЕНТУККИ

Этот рассказ я написал для моей давней подруги Тори Эймос, для книги к ее гастрольному туру с альбомом «Прогулки со Скарлетт» («Scarlet's

Walk»), и меня очень обрадовало, когда его отобрали для антологии «Лучшее за год». Эта история сделана не по мотивам альбома, а скорее по свободным ассоциациям. Я хотел написать рассказ о путешествиях, самоидентификации и Америке: в качестве маленького дополнения к «Американским богам», где все, в том числе и развязка, маячит поблизости, но ускользает за грань досягаемости.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ГОРНОЙ ДОЛИНЫ

Эта история родилась — и существует — из моей страстной любви к отдаленным районам Шотландии, где природа еще не утратила своего первозданного великолепия, где кости Земли местами выходят наружу, где небо окрашено бледно-белым, и красота мира ощущается особенно остро. Мне было приятно вновь встретиться с Тенью через два года после событий, описанных в «Американских богах».

Роберт Силверберг попросил меня написать новеллу для его сборника «Легенды II». Ему было без разницы, по какому именно из миров: по «Задверью» или по «Американским богам». Я начал с «Задверья», но там возникли некоторые технические сложности (рассказ называется «Как маркиз

вернул свой сюртук», и когда-нибудь я его обязательно допишу). Я начал писать «Повелителя горной долины» в Ноттинг-Хилле, где мы снимали короткометражный фильм под названием «Небольшое кино о Джоне Болтоне», и закончил буквально одним затяжным и безумным рывком в летнем доме у озера, где я сейчас пишу данное предисловие. Легенды о хульдрах и других сказочных существах из Норвегии я узнал от моей давней подруги Исельмы Эвенсен. Исельма также поправила мой норвежский. Как и «Беовульф» из «Дыма и зеркал», эта история навеяна эпосом «Беовульф», и к тому времени, когда я ее дописал, я был уверен, что сценарий «Беовульфа», который мы делали совместно с Роджером Эйвери, так никогда и не будет закончен. Разумеется, я был не прав, и мы доделали этот сценарий, и я получил истинное удовольствие от настолько разительного различия двух воплощений одного и того же персонажа: матери Гренделя в версии Анджелины Джоли в фильме Роберта Земекиса и в моем собственном варианте.

Нил Гейман
Первый день весны 2006 года

Сувениры и сокровища

Пес принца я! – я рыкну на вопрос.
Скажите, сэр, а чей вы сами пес?[1]

Александр Поуп, «Надпись на ошейнике пса, которого я подарил Его королевскому высочеству»

Можете назвать меня ублюдком, если хотите. Это верно, причем во всех смыслах. Мама родила меня через два года после того, как ее заперли ради «ее собственной пользы», и было это в 52-м, когда за пару горячих ночек с местными парнями можно было заработать диагноз: клиническая нимфомания, после чего вас убирали с глаз долой — «для защиты вас самих и общества» — всего лишь по указу «высшей инстанции» в лице двух врачей. Один из двоих был ее отцом, моим дедом, а второй — его партнером, с которым они делили врачебную практику в Северном Лондоне.

Так что, кто был мой дед, я знаю. А вот мой отец… им мог быть кто угодно, кто соблудил с ма-

---

[1] Примечания: 1
Перевод. И. Эристави

терью в здании или на участке «Приюта святого Андрея». Чудное словечко, а? *Приют*. Хочешь не хочешь, подумаешь об убежище: этакое тихое местечко, где тебя укроют от полного опасностей и жестокости старого доброго большого мира. Та еще дыра, этот приют. Я съездил поглядеть на него в конце семидесятых, перед тем как его снесли. Там все еще воняло мочой и сосновым дезинфицирующим средством для мытья пола. Длинные, темные, плохо освещенные коридоры с гроздьями крохотных, похожих на камеры комнатушек. Если б вы искали ад, а нашли «Святого Андрея», вы б не разочаровались.

В ее истории болезни говорится, что она раздвигала ноги для кого придется, но я в этом сомневаюсь. Она ведь тогда сидела взаперти. Так что тому, кто захотел бы ей вставить, сперва пришлось бы обзавестись ключом от ее камеры.

Когда мне было восемнадцать, я последние свои летние каникулы перед университетом провел в охоте за теми четырьмя, кто с наибольшей вероятностью мог быть моим отцом два санитара психиатрички, врач тюремного отделения и управляющий приютом.

Маме было всего семнадцать, когда за ней закрылись двери. У меня есть маленькая — под

размер бумажника — черно-белая ее фотография, снятая прямо перед тем, как ее заперли. Мама опирается о крыло спортивного «моргана», припаркованного на какой-то сельской дороге. Она улыбается, вроде как кокетничает с фотокамерой. Ты была просто красоткой, мама.

Я не знал, который из четверых был мой папочка, и поэтому убил всех. В конце концов, каждый ее трахал: я заставил их в этом признаться, прежде чем прикончил. Лучше всех был управляющий, этакий краснолицый упитанный старый Казанова, и таких, как у него подкрученных вверх усов а-ля Пуаро, я уже лет двадцать как не видел. Я наложил ему жгут из его же гвардейского галстука. Изо рта у него полетели пузырьки слюны, а сам он стал синий, как невареный омар.

В «Святом Андрее» были и другие мужчины, кто мог бы оказаться моим отцом, но после этих четверых я перегорел. Я сказал себе, что разобрался с четырьмя наиболее вероятными кандидатами и что, если я перебью всех и каждого, кто мог забить матери, дело кончится бойней. Так что я завязал.

На воспитание меня отдали в соседний детдом. Если верить ее истории болезни, маму стерилизовали сразу после моего рождения. Никому не хотелось, чтобы такие гадкие, мелкие, как я,

происшествия помешали еще чьему веселью.

Мне было десять, когда она покончила с собой. Это было в 64-м. Мне было десять лет от роду, и я еще играл в «каштаны»[2] и воровал потихоньку сладости в кондитерских, когда она, сидя на линолеумном полу своей камеры, пилила себе запястья осколком битого стекла, который бог знает где раздобыла. Она и пальцы себе раскроила тоже, но своего добилась. Ее нашли утром — липкую, красную и холодную.

Люди мистера Элиса наткнулись на меня, когда мне было двенадцать. Замначальника детдома считал нас, мальцов, своим личным гаремом секс-рабов с исцарапанными коленками. Соглашайся и окажешься с больной попкой и шоколадкой «Баунти». Будешь трепыхаться, проведешь пару дней взаперти с взаправду больной попкой и сотрясением мозга в придачу. Мы его прозвали Старой Соплей, потому что он начинал ковырять в носу, как только решал, что мы не видим.

Его нашли в гараже его дома в его собственном синем «моррис миноре»: дверцы заперты, и кусок ярко-зеленого садового шланга идет прямо от выхлопной трубы в окно спереди. Коронер

[2] Примечания: 2

Каштаны — английская детская игра, в которой одним привязанным на веревочке каштаном бьют по другим.

постановил «самоубийство», и семьдесят пять мальчишек вздохнули свободней.

Но Старая Сопля за годы труда на ниве воспитания малолетних оказал пару услуг мистеру Эллису, когда, скажем, следовало позаботиться о приезжем иностранном политике со склонностью к мальчикам или заезжал с визитом главный констебль[3]. Потому мистер Элис послал пару своих следователей — просто убедиться, что все тип-топ. Когда же они сообразили, что единственно возможный преступник — двенадцатилетний мальчишка, они едва штаны не намочили со смеху.

Однако мистер Элис был заинтригован и потому послал за мной. Это было еще в те дни, когда он гораздо чаще принимал во всем личное участие. Полагаю, он надеялся, что я окажусь хорошеньким, но тут его ждал печальный сюрприз. Я и тогда выглядел, как сейчас: худой, словно щепка, профиль — что топор, и уши — как ручки у кастрюли. Больше всего мне в нем тогдашнем запомнилось то, какой он был огромный. Тучный. Надо думать, он был в ту пору еще довольно молод, хотя тогда мне так не казалось: он был

[3] Примечания: 3

Главный констебль — в Великобритании начальник полиции в графстве, городе.

взрослый и потому враг.

Явилась пара громил и забрала меня после школы — по дороге домой. Я поначалу едва не обделался, но от громил не пахло законом — за моей спиной уже было четыре года игры в прятки со Старым Билли[4], и бобби в штатском я чуял за сто ярдов. Они отвезли меня в крохотную скудно обставленную серую контору в переулочке за Эджвер-роуд.

Стояла зима, и на улице было почти темно, и в конторе была полутьма, если не считать маленькой лампы, отбрасывающей круг желтого света на письменный стол. Необъятных размеров человек за столом царапал что-то шариковой ручкой внизу страницы телекса. Потом, закончив, он поднял на меня глаза. Оглядел меня с головы до ног.

— Сигарету?

Я кивнул. Он протянул мне «Питер Стайвесент» в мягкой пачке, и я взял одну. Он дал мне прикурить от золотой с черным зажигалки.

— Ты убил Ронни Полмерстона, — сообщил он мне. В голосе не было и намека на вопрос.

Я промолчал.

---

[4] Примечания: 4
Старый Билли (англ. сленг 50-х гг.) — полиция.

— Ну? Ты ничего не собираешься сказать?

— А что тут можно сказать? — сообщил я в ответ.

— Я до этого дошел, только услышав, что он был на заднем сиденье. Он не сел бы назад, собирайся он покончить с собой. Он сидел бы за рулем. Думаю, ты подсунул ему «мики»[5]. Потом запихнул в «мини» — нелегко, наверное, пришлось, он не слабый был мужик, — а вот «мики» и «мини» это и впрямь здорово, — потом отвез его домой, заехал в гараж, к тому времени он уже крепко спал, а ты подстроил самоубийство. Ты не боялся, что тебя заметят за рулем? Двенадцатилетнего мальчишку?

— Темнеет рано, — отозвался я. — И я ехал переулками.

Он хмыкнул. Задал мне еще пару вопросов — о школе, о детдоме, о том, что мне интересно, и все такое. Потом вернулись громилы и отвезли меня назад в детдом.

Неделю спустя меня усыновила пара по фамилии Джексон. Он был специалистом по международному торговому праву, она — экспертом по самообороне. Думаю, они никогда не видели друг

---

[5] Примечания: 5

«Мики» (англ. сленг 50-х гг.) — спиртной напиток с примесью наркотика.

друга до тех пор, пока мистер Элис не свел их, чтобы они меня воспитали.

Не знаю, что он во мне увидел в ту первую встречу. Должно быть, какой-то потенциал. Потенциальную лояльность. Я — лояльный человек. Не стоит ошибаться на этот счет. Я — человек мистера Элиса, душой и телом.

Разумеется, на самом деле его имя не мистер Элис, но я с тем же успехом мог бы называть его и настоящим именем. Разницы никакой. Вы все равно о нем не слышали. Мистер Элис — один из десяти самых богатых людей в мире. Скажу вам вот что: вы и о других девяти ничего не слышали. Их имена не появятся ни в одном из списков ста самых богатых людей мира. Никаких там биллов гейтсов или султанов Брунея. Я говорю о *настоящих* деньгах. На свете есть люди, которым платят больше, чем вам за всю жизнь доведется увидеть, только за то, чтобы ни словечка не проскользнуло о мистере Элисе в газетах или по телику.

Мистер Элис любит владеть вещами. И, как я вам уже сказал, одна из вещей, которыми он владеет, я. Он — отец, которого у меня никогда не было. Это он достал мне папки с историей болезни мамы и сведения о четырех наиболее вероятных кандидатах на роль папочки.

По окончании университета (степень с отличием в экономике и международном праве) я сделал себе подарок: поехал и отыскал моего деда-врача. До тех пор я встречу с ним все оттягивал. Она была чем-то вроде стимула.

Ему оставался год до пенсии, этому старику с топорным лицом и в твидовом пиджаке. Год стоял 1978-й, и некоторые доктора еще ездили на дом. Я следовал за ним до высотки на Мейда-Вейл. Подождал, пока он одарит кого-то там своей врачебной мудростью, и остановил, когда он выходил, помахивая черным саквояжем.

— Привет, дедушка, — сказал я.

Нет особого смысла пытаться выдать себя за кого-то другого. Не с моей внешностью. Он был точная копия меня через сорок лет. Та же до черта безобразная физиономия, только волосы поредели и стали песочно-серыми, а у меня еще была густая и мышино-русая шевелюра. Он спросил, что мне надо.

— Ты вот так взял и запер маму, — сказал я ему. — Не больно-то хорошо это было с твоей стороны.

Он предложил мне убираться или что-то в этом роде.

— Я только что получил степень, — отозвался

я. — Тебе следовало бы мной гордиться.

Он сказал, что знает, кто я, и что лучше мне убраться немедленно, или он натравит на меня полицию, и меня засадят.

Я вогнал ему нож в левый глаз — прямо в мозг и, пока он задыхался потихоньку, забрал его старый телячьей кожи бумажник, — в общем, в подарок на память и чтобы выглядело все, как ограбление. Именно там, в бумажнике, я нашел фотографию мамы, черно-белую, улыбающуюся и кокетничающую с камерой двадцать пять лет назад. Интересно, кому принадлежал «морган»?

Через парня, который меня не знал, я сбыл бумажник перекупщику, а потом купил его в лавке, когда за ним никто не пришел. Аккуратный чистый след. Не один умник попался на сувенире. Иногда я спрашиваю себя, не убил ли я в тот день своего отца, не только деда. Не думаю, что он бы мне сказал, даже если бы я спросил. Да и какая разница, верно?

После этого я пошел на постоянную работу к мистеру Элису. Пару лет заведовал делами в Шри-Ланке, потом провел год в Боготе на импорте-экспорте, вкалывая, как прославленный коммивояжер. Домой в Лондон я вернулся как только смог. Последние пятнадцать лет я высту-

пал в основном как спец по конфликтам и по сглаживанию трений в проблемных областях. Спец по конфликтам. Круто звучит.

Как я говорил, чтобы никто и никогда о тебе не услышал, нужны настоящие деньги. Никаких там глупостей а-ля рупперт мердок, который ест с рук у коммерческих банков. Вам никогда не увидеть мистера Элиса в глянцевом иллюстрированном журнале, показывающим фотографу свой глянцевый новый дом.

Помимо бизнеса, основной интерес мистера Элиса — секс, вот почему я стоял тогда у входа на станцию Эрлз-Корт с сине-белыми бриллиантами на 40 миллионов американских долларов в карманах макинтоша. В особенности и чтобы быть точным, интерес мистера Элиса к сексу ограничивается отношениями с очень привлекательными молодыми людьми. Нет, не поймите меня неправильно: я не хочу, чтобы вы думали, что мистер Элис какой-то там гомик. Он и не педик, ничего такого. Он — нормальный мужик. Просто нормальный мужик, который любит трахать других мужиков, вот и все. В мире всякой твари по паре, скажу я вам, что оставляет и мне простор и раздолье. Как в ресторане, где каждый заказывает из меню что-то другое. Chacun á son

goût[6], простите мне мой французский. Так что все счастливы.

Это было в июле, пару лет назад. Помнится, я стоял на Эрлз-Корт-роуд, смотрел на вывеску «Эрлз-Корт-стейшн», а потом принялся смотреть на наркоту и алкашей, тусующихся на тротуаре у станции, и все это время высматривал не появится ли «ягуар» мистера Элиса.

Бриллианты во внутреннем кармане макинтоша меня нисколько не тревожили. Я не похож на мужика, у которого есть что-то, ради чего его стоило бы грабить, и я вполне могу о себе позаботиться. Так что я пялился на наркоту и алкашей, убивая время до появления «ягуара» (надо думать, застрявшего посреди дорожных работ на Кенсингтон Хай-стрит) и спрашивал себя, почему наркоманы и алкоголики собираются на мостовой у станции подземки «Эрлз-Корт».

Полагаю, наркоту еще можно понять: они ждут дозы. Но что, черт побери, тут делают алкаши? Никто не обязан передавать тебе пинту «гиннесса» или бутылку средства для растирания. И сидеть на мостовой или прислоняться к стене здесь неудобно. Будь я алкоголиком, решил я, в

---

[6] Примечания: 6
На вкус и цвет товарищей нет (фр.).

такой чудесный день отправился бы в парк.

Неподалеку пакистанский паренек лет восемнадцати — двадцати оклеивал внутренность стеклянной телефонной будки визитками проституток — ТРАНССЕКСУАЛ С ФОРМАМИ, НАТУРАЛЬНАЯ БЛОНДИНКА, ГРУДАСТАЯ ШКОЛЬНИЦА и СТРОГАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА ИЩЕТ МАЛЬЧИКА ДЛЯ БИТЬЯ. Заметив, что я пялюсь, он бросил на меня сердитый взгляд. Потом, закончив, перешел к следующей будке.

У обочины затормозил «ягуар» мистера Эллиса, и, сделав несколько шагов, я открыл дверцу и сел назад. Это неплохая машина, ей всего года два. У нее есть класс, но на улице — пройдешь мимо и не заметишь.

Шофер и мистер Элис сидели впереди. На заднем сиденье со мной был пухлый человечек, стриженный под ежик и в кричащем клетчатом костюме. Он напомнил мне несостоявшегося жениха в фильме пятидесятых годов, того, которого под конец бросают ради Рока Хадсона[7]. Я кивнул ему, на что он протянул руку, которую потом убрал, когда я как будто ее не заметил.

---

[7] Примечания: 7

Рок Хадсон (1925–1985 (от СПИДа)) — американский актер, игравший по большей части героев-любовников, остался в истории кино в основном благодаря внешности.

Мистер Элис нас не представил, что меня вполне устраивало, поскольку я точно знал, кто он. Я его нашел, на деле я же его и поддел на крючок, хотя он этого никогда не узнает. Он был профессором древних языков в одном из университетов Северной Каролины. Он считал, его одолжил британской разведке госдепартамент США. Ему так сказали, когда вызвали в департамент. Жене профессор сказал, что едет читать доклад на конференции по хеттскому языку в Лондоне. Такая конференция действительно имела место. Я сам ее организовал.

— Почему ты, черт побери, ездишь в подземке? — вопросил мистер Элис. — Не для того же, чтобы сэкономить деньги.

— Я бы думал, что тот факт, что я минут двадцать стоял на углу в ожидании вас, в точности объясняет, почему я не езжу на машине, — сообщил я ему. Ему нравится, что я не падаю тут же на спину и не виляю хвостом. Я — пес с характером. — Средняя скорость транспортного средства по улицам Центрального Лондона в дневное время не изменилась за четыреста лет. Она по-прежнему меньше десяти миль в час. Если есть подземка, спасибо, поеду лучше на поезде.

— Вы не водите машину в Лондоне? — спросил

профессор в крикливом костюме. Храни нас Господи от вкуса американских ученых. Назовем его Маклеодом.

— Я вожу ночью, когда улицы пусты, — сказал я ему. — После полуночи. Люблю ездить по ночам.

Опустив окно, мистер Элис закурил небольшую сигару. Я не мог не заметить, что руки у него дрожат. От предвкушения, думаю.

А мы все ехали через Эрлз-Корт, мимо сотни высоких зданий красного кирпича, претендующих на роль гостиниц, и сотни еще более жалких строений, приютивших пансионы и ночлежки, по хорошим улицам и по дурным. Иногда Эрлз-Корт напоминает мне одну из тех старух, которые еще встречаются время от времени и которые держатся до боли благопристойно и чопорно, пока не пропустят пару рюмок, а тогда уже начинают танцевать на столах и рассказывать всем в пределах досягаемости, какими горячими штучками они были, когда отсасывали за деньги в Австралии или Кении или в какой другой экзотической стране.

Не думайте, что мне нравится это место, откровенно говоря, это далеко не так. Эрлз-Корт — слишком неустойчив, сплошной транзит. Дома, события, люди — все приходит и уходит

чертовски быстро. Я не романтик, но в любой день предпочту Саут-Бэнкс или Ист-Энд. Ист-Энд — вот это место, здесь, и нигде больше, все и начинается, и хорошее, и дурное. Это — и утроба, и анус Лондона; они всегда поблизости друг от друга. А Эрлз-Корт — ну я даже не знаю что. Любая анатомическая аналогия обваливается, стоит вам здесь очутиться. Думаю, это потому, что Лондон безумен. Синдром расщепления личности, не иначе. Все эти мелкие городки и поселки, которые разрослись и вдавились друг в друга, чтобы создать единую метрополию, но так и не забыли своих старых границ.

И вот шофер тормозит на улочке, ничем не отличающейся от любой другой, перед высоким домом, стоящим в ряду таких же высоких стандартных домов. Отличие только в том, что этот, возможно, когда-то был гостиницей, да еще в том, что пара окон в нем заколочены.

— Вот этот дом, — сказал шофер.

— Верно, — отозвался мистер Эллис.

Обойдя машину, шофер открыл дверь для мистера Элиса. Мы с профессором Маклеодом вышли без посторонней помощи. Я оглядел улицу. Беспокоиться не о чем.

Я постучал, и мы стали ждать, От нечего де-

лать я улыбнулся и кивнул глазку в двери. Щеки мистера Элиса побагровели, и руки он держал скрещенными перед промежностью, чтобы не осрамиться. Завелся старикан.

Ну и со мной такое бывало. Со всеми нами. Только мистер Элис — другое дело, он может себе позволить потакать своим слабостям.

Я так на это смотрю: одни люди нуждаются в любви, другие — нет. Думаю, учитывая всех и вся, мистер Элис — на деле из тех, что «нет». И я тоже. Со временем начинаешь распознавать своих.

И мистер Элис — прежде всего гурман.

С приглушенным звяканьем отодвинулся засов, дверь открыла старуха, каких обычно описывают как «отталкивающего вида». Одета она была в бесформенную черную хламиду, а лицо с мешками под глазами как будто состояло из сплошных углов и морщин. Я вам скажу, как она выглядела. Случалось вам видеть картинки с изображениями булочек с корицей, которые, как говорят, похожи на мать Терезу? Вот так она и выглядела, как плюшка с корицей с двумя коричневыми глазами-изюминами, глядевшими с ее коричнo-плюшечного лица.

Старуха сказала что-то на языке, которого я даже не распознал, а профессор Маклеод, запина-

ясь, ответил. Оглядев подозрительно по очереди каждого из нас, карга скорчила рожу и махнула нам заходить. А потом с грохотом захлопнула за нами дверь. Я закрыл сперва один глаз, потом другой, давал им возможность привыкнуть к полумраку внутри дома.

Все здание воняло, как распроклятая полка с пряностями. Буквально все в этом деле мне решительно не нравилось; есть что-то в иностранцах, когда они настолько иностранные, как эта ведьма, от чего у меня мурашки ползут по коже. Проходя вслед за этой плюшечной летучей мышью, которую я начал мысленно называть мать-настоятельница и которая вела нас теперь все вверх и вверх по лестнице, я видел и других черноробых женщин, выглядывающих на нас из-за дверей и поворотов коридоров. Ковровая дорожка на лестнице давно уже вытерлась, и подошвы моих ботинок, отрываясь от нее, издавали чавкающие звуки. По стенам осыпающимися комьями свисала старая краска. Это был истинный муравейник, он просто сводил меня с ума. Мистеру Элису не следует приезжать в такие места, в дома, где его нельзя по-настоящему защитить.

Одна за другой в полном безмолвии выглядывали на нас скрюченные карги, а мы все

поднимались пролет за пролетом. Старая ведьма с корично-плюшечным лицом говорила с профессором Маклеодом, бросала время от времени несколько непонятных слов, а он, пыхтя и отдуваясь от одышки, отвечал ей как мог.

— Она хочет знать, привезли ли вы бриллианты? — прохрипел профессор.

— Скажи ей, мы поговорим об этом после того, как осмотрим товар, — ответил мистер Элис. Он не задыхался, и если в его голосе и слышалась легкая дрожь, то это была дрожь предвкушения.

Мистер Элис, насколько мне лично известно, поимел половину подающих надежды кинозвезд-мужчин и больше мужчин-моделей, чем те, на кого вы вообще трясли прибором; он поимел самых хорошеньких мальчиков пяти континентов. Никто из них не знал в точности, кто именно их трахает, но всем им очень хорошо заплатили за труды.

Под самой крышей дома, наверху последнего пролета деревянной без дорожки лестницы оказалась дверь на чердак, а по обеим сторонам ее, будто дубы-близнецы, высились две великанши в черных одеждах. Судя по виду, каждая из них продержалась бы пару раундов против борца сумо. В руках у каждой — и я не шучу — красовался

скимитар: они охранили Сокровище шагинаи. И несло от них, как от пары дряхлых кляч. Даже в полумраке я разглядел заплаты и пятна на их робах.

Мать-настоятельница подступила прямо к ним, белка лицом к лицу с двумя питбулями, а я глядел на их бесстрастные лица и размышлял, откуда они такие взялись. Они вполне могли быть родом с Самоа или из Монголии. Или их вытащили с какой-нибудь фермы по разведению уродов в Турции, а может, в Иране или Индии.

По слову старухи стража освободила проход, и я толкнул дверь. Дверь была не заперта. Я заглянул внутрь, так, на случай неприятностей, вошел, огляделся и кивнул: мол, все чисто. Так что я стал первым мужчиной в этом поколении, кому довелось увидеть Сокровище шагинаи.

Он стоял на коленях у походной койки, голова его была опущена.

Легендарные, вот как надо бы называть шагинаи. Это значит, я никогда в жизни о них не слышал и не знал никого, кто бы слышал, а когда я начал разыскивать их, даже те, кто о них слышал, не верили в их существование.

«В конце концов, дорогой друг, — сказал мой ручной академик из России, передавая мне свой

отчет, — вы говорите о расе людей, единственное свидетельство существования которых — полдюжины строк у Геродота, стихотворение в „Тысяче и одной ночи“ и речь в „Рукописи, найденной в Сарагосе“. Едва ли это можно назвать надежными источниками».

Но слухи дошли до мистера Элиса, и он заинтересовался. А если мистер Элис чего хочет, то я, черт побери, делаю что могу, чтобы он это получил. В данный момент, глядя на Сокровище шагинаи, мистер Элис выглядел таким довольным, что казалось, того и гляди, лопнет от счастья.

Юноша встал. Из-под кровати до половины выглядывал ночной горшок с лужицей ярко-желтой мочи на дне. Роба юноши была из белого хлопка, тонкая и очень чистая. Еще на нем были голубые шелковые шлепанцы.

В комнате было жарко. Горели с громким шипением два газовых рожка, по одному на каждой стене чердака. Мальчик жары как будто не чувствовал. Профессор Маклеод начал сильно потеть.

Согласно легенде, мальчик в белых одеждах — на вид лет семнадцати, не больше восемнадцати — был самым красивым мужчиной на земле.

Нетрудно поверить.

Мистер Элис подошел к юноше и принялся осматривать его, будто фермер, выбирающий на рынке теленка: заглянул в рот, попробовал мальчика, заглянул в глаза и в уши, взял его за руки и осмотрел пальцы и ногти, а потом, совершенно деловито, приподнял подол белой робы, чтобы проинспектировать его необрезанный пенис, прежде чем повернуть парня кругом и оглядеть состояние его зада.

И все это время глаза и улыбка Сокровища светились радостью и белизной.

Наконец мистер Элис притянул юношу к себе, чтобы поцеловать — медленно и мягко — в губы. Потом отодвинулся, провел языком по его рту, кивнул и повернулся к Маклеоду.

— Скажи ей, мы его забираем, — сказал мистер Элис.

Профессор Маклеод защелкал и запыхтел что-то матери-настоятельнице, и лицо карги разошлось морщинами коричного счастья. Потом она протянула руки.

— Она хочет, чтобы ей теперь заплатили, — перевел Маклеод.

Я медленно запустил руки во внутренние карманы макинтоша и вытащил сперва один, потом

второй, два черных бархатных мешочка. И оба протянул карге. В каждом мешочке хранилось по пятьдесят безупречных бриллиантов D и E класса, совершенной огранки, каждый — весом свыше пяти карат. Большинство их было скуплено за бесценок в России в середине девяностых. Сотня бриллиантов, сорок миллионов долларов. Старуха вытряхнула несколько штук на ладонь, потыкала в них пальцем. Потом, ссыпав бриллианты назад в мешочек, кивнула.

Когда бархатные мешочки исчезли в складках ее робы, она прошла к лестнице и что было сил выкрикнула что-то на своем непонятном языке.

И по всему дому под нами поднялся вопль, будто разом взвыл цельный клан баньши. Под завывания мы спускались по лестницам, под завывания шли по этому мрачному лабиринту; и юноша в белых одеждах возглавлял процессию. Честное слова, волосы у меня на затылке вставали дыбом от этого воя, а от вони влажного гниения и пряностей я едва не давился блевотиной. Ненавижу иностранцев.

Прежде чем выпустить его из дому, женщины завернули юношу в пару одеял, опасаясь, что он подхватит простуду, несмотря на палящее июльское солнце. Мы запихнули его в машину.

Я проехался с ними до подземки, после чего вышел.

Следующий день, который пришелся на среду, я провел, разбираясь с бардаком в Москве. Слишком много самонадеянных ковбоев. Я молился, что смогу разобраться со всем этим, не выезжая на место лично: от их кормежки у меня запор.

С возрастом я езжу все меньше и меньше, и если уж на то пошло, мне этот город никогда особо не нравился. Но я еще могу применить себя в деле, когда понадобится. Мистер Элис сказал, что боится, что Максвелла придется убрать с доски. Я сказал, что займусь этим сам и ничего больше не желаю об этом слышать. От Максвелла всегда можно ждать чего угодно. Мелкая рыбешка с большим ртом и гнилым характером.

Самый удовлетворительный всплеск, какой мне доводилось слышать.

К вечеру среды я был натянут, как пара вигвамов, так что позвонил знакомому мужику, и на квартиру в Барбикене мне привезли Дженни. Это привело меня в сносное настроение. Хорошая она девчонка, эта Дженни. И совсем не гулящая. За словами следит и дело знает.

Я был очень-очень нежен с ней той ночью, а потом сунул ей банкноту в двадцать фунтов.

— Но это совсем ни к чему, — пыталась возразить она. — Все улажено.

— Купи себе что-нибудь шальное. — Я взъерошил ей волосы. — Это шальные деньги.

На что она улыбнулась, как школьница.

В четверг был звонок от секретаря мистера Элиса, мол, все удовлетворительно и я должен заплатить профессору Маклеоду.

Мы поселили профессора в «Савое». Так вот, большинство доехало бы подземкой до Чэпинг-Кросс или Набережной Виктории и прошли до «Савоя» по Стрэнду. Не по мне. Я доехал до вокзала Ватерлоо и прогулялся на север через мост Ватерлоо. Это на пару минут дольше, но вид ни с чем не сравнимый.

Когда я был мальчишкой, один из ребят в дортуаре детдома рассказывал, что если задержать дыхание и дотянуть так до середины моста над Темзой, то там можно загадать желание и оно обязательно сбудется. Мне никогда не о чем было желать, но я проделываю это как упражнение для дыхалки.

Из телефонной будки у опоры моста Ватерлоо (ГРУДАСТУЮ ШКОЛЬНИЦУ НУЖНО НАКАЗАТЬ. СВЯЖИ МЕНЯ — ПРИВЯЖИ МЕНЯ. НОВЕНЬКАЯ БЛОНДИНКА В ГОРОДЕ) я позвонил в номер Ма-

клеода. Сказал, чтоб спускался вниз, я встречу его на мосту.

Его костюм был, если такое возможно, в еще более кричащую клетку, чем во вторник. Он отдал мне коричнево-желтый конверт, набитый компьютерными распечатками: что-то вроде самопального разговорника шагинаи-английского. «Ты голоден?» «Пора мыться». «Открой рот». Все, что может потребоваться мистеру Элису.

Я убрал конверт в карман макинтоша.

— Как насчет того, чтобы поглядеть город? — спросил я, и профессор Маклеод ответил, что всегда хорошо осматривать город с тем, кто в нем родился.

— Эта работа — филологический курьез и лингвистическое наслаждение, — сказал Маклеод, пока мы шли по Набережной Виктории. — Шагинаи говорят на языке, у которого есть много общего и с арамейской, и с угро-финской группой. Это — язык, на котором мог бы говорить Христос, реши он составить послание первобытным эстонцам. К тому же в нем очень мало заимствованных слов. У меня есть теория, что они, наверное, не раз и не два были вынуждены внезапно спасаться бегством. Моя оплата при вас?

Я кивнул. Достал из кармана пиджака свой

старый, телячьей кожи бумажник, а оттуда узкую ярко раскрашенную картонку билета.

— Вот и он.

Мы подходили к мосту Блэкфрайарз.

— Он настоящий?

— Конечно. Государственная лотерея Нью-Йорка. Билет вы купили ни с того ни с сего в аэропорту перед вылетом в Англию. Результаты огласят в субботу вечером. Неделя должна выдаться неплохой. Уже сейчас больше двадцати миллионов долларов.

Он убрал лотерейный билет в собственный бумажник — черный и блестящий и вздувшийся от пластика, а бумажник убрал во внутренний карман пиджака. Его руки то и дело возвращались к карману, оглаживали его — так владелец, сам того не сознавая, удостоверялся, что сокровище на месте. Он был бы великолепной добычей для любого карманника, который пожелал бы узнать, где этот лох держит ценные вещи.

— За это надо выпить, — возвестил Маклеод.

Я согласился, что да, надо, но указал, что такой день, как этот — с сияющим солнцем и свежим бризом с моря, — слишком жалко терять в пабе. Так что мы отправились в винный. Я купил бутылку «Столичной», пакет с апельсиновым со-

ком и пластиковый стаканчик ему и пару банок «гиннесса» себе.

— Дело в мужчинах, понимаете, — сказал профессор, когда мы уже сидели на деревянной скамейке лицом к Саут Бэнку на той стороне Темзы. — Очевидно, их не так много. Один-два на поколение. Сокровище шагинаи. Женщины — хранительницы и опекунши мужчин. Они вскармливают их, лелеют, берегут от зла. Говорят, Александр Македонский купил себе любовника у шагинаи. И Тиберий тоже, и по меньшей мере два папы римских. По слухам, один такой был у Екатерины Великой, но думаю, это враки.

Я сказал ему, что думал, будто шагинаи — это из области сказок.

— Я хочу сказать, только подумайте. Целая раса людей, единственное достояние которой — красота их мужчин. Так что раз в столетие они продают одного из своих мужчин за сумму, которая позволит племени протянуть еще сотню лет. — Я отхлебнул «гиннесса». — Как по-вашему, женщины в том доме — это все племя?

— Сомневаюсь.

Он долил в пластиковый стакан на палец водки, плеснул еще сока и поднял в мою сторону стакан.

— Мистер Эллис, — сказал он, — он, наверное, очень богат.

— Что да, то да.

— Я не голубой, — Маклеод был пьянее, чем думал, на лбу у него проступили капли пота, — но я трахнул бы мальчишку прямо на месте. Он самое красивое — не знаю, как даже назвать, — что я когда-либо видел.

— Думаю, он в порядке.

— Вы не трахнули бы его?

— Не в моем вкусе, — отозвался я.

По дороге за нами проехало черное такси: оранжевый огонек, означающий «Свободно», был отключен, хотя сзади никого и не было.

— А что же тогда в вашем вкусе? — поинтересовался профессор Маклеод.

— Маленькие девочки, — ответил я.

Он сглотнул.

— Насколько маленькие?

— Лет девять. Десять. Быть может, одиннадцать или двенадцать. Как только у них отрастает грудь и волосы на лобке, у меня уже не встает. Меня уже не заводит.

Он поглядел на меня так, как если бы я сказал ему, что мне нравится трахать дохлых собак, и какое-то время молчал, только пил свою «Сто-

личную».

— Знаете, — сказал он наконец, — там, откуда я приехал, подобного рода вещи противозаконны.

— Ну, здесь тоже к этому не слишком благосклонны.

— Думаю, мне следует возвращаться в отель, — сказал он.

Из-за угла вывернула черная машина, на этот раз оранжевый огонек светился. Подозвав ее жестом, я помог профессору Маклеоду сесть назад. Это — одно из наших Особых Такси. Из тех, в которые садишься и больше уже не выходишь.

— В «Савой», пожалуйста, — сказал я таксисту.

— Слуш'юсь, начальник, — отозвался он и увез профессора Маклеода.

Мистер Элис хорошо заботился о мальчике шагинаи. Когда бы я ни приходил на совещания или доклады, мальчик всегда сидел у ног мистера Элиса, а мистер Элис крутил в пальцах, и гладил, и играл его черными кудрями. Они обожали друг друга, любому было видно. Это смотрелось глупо и сентиментально, и, должен признать, даже для бессердечного ублюдка вроде меня трогательно.

Иногда ночами мне снились женщины шагинаи, эти отдающие мертвечиной, похожие на летучих мышей карги, бьющие крылами и устра-

ивающиеся по насестам в огромном и гниющем старом доме, который был одновременно и Историей Человечества, и «Приютом святого Андрея». Взмахивая крылами, некоторые взмывали вверх, унося в когтях мужчин. А мужчины сияли, как солнца, и лица их были слишком прекрасны для людских взоров.

Я ненавидел эти сны. Такой сон — и весь следующий день насмарку, точно как в, черт побери, аптеке.

Самый красивый человек на земле, Сокровище шагинаи, протянул восемь месяцев. А потом подхватил грипп.

Температура у него поднялась до сорока четырех, легкие наполнились водой, он тонул посреди суши. Мистер Элис собрал с полдюжины лучших врачей со всего света, но парнишка просто мигнул и погас, как старая лампочка, так все и кончилось.

Думаю, они просто не слишком уж крепкие. Растили их, в конце концов, для другого, не для выносливости.

Мистер Элис взаправду принял это близко к сердцу. Он был безутешен: рыдал, как дитя, все похороны напролет, слезы катились у него по лицу, будто у матери, которая только что потеряла

единственного сына. Небо мочилось дождем, так что если не стоять с ним рядом, даже и не узнаешь. Мне это кладбище стоило пары взапрямь хороших ботинок, так что настроение у меня было прескверное.

Я сидел в квартире на Барбикэн: практиковался в метании ножа, сварил спагетти с соусом по-болонски, посмотрел футбол по телику.

Той ночью у меня была Элисон. Приятного было мало.

На следующий день я взял десяток хороших парней и отправился с ними в дом в Эрлз-Корт поглядеть, не осталось ли там кого еще из шагинаи. Должны же еще где-то быть молодые мужчины племени. Простая логика, и ничего больше.

Но штукатурка на гниющих стенах была заклеена крадеными рок-плакатами, и во всем доме пахло опиумом, а не пряностями.

Крольчатник-лабиринт был забит австралийцами и новозеландцами. Сквоттеры, надо думать. Мы застали их в кухне за отсасыванием наркотического дыма из горлышка разбитой бутылки «лимонада Р. Уайта».

Мы обшарили дом с подвала до чердака в поисках хоть какого-нибудь следа женщин шагинаи, хотя бы чего-нибудь, что они оставили по себе,

какой-нибудь зацепки, чего угодно, чем порадовать мистера Элиса.

Мы не нашли ничего, совершенно ничего.

Все, что я унес с собой из дома в Эрлз-Корт, — воспоминание о груди девчонки, обкурившейся до забвения, спящей голой в комнате наверху. И никаких штор на окнах.

Стоя в дверном проеме, я глядел на нее чуть дольше, чем следовало, и эта картинка отпечаталась у меня в мозгу: полная с черным соском грудь, тревожный овал в едко-желтом свете уличных фонарей.

Страницы из дневника, найденного в коробке из-под обуви, забытой в междугородном автобусе где-то между Талсой, штат Оклахома, и Луисвиллом, штат Кентукки

Понедельник 28-е

Видимо, я гоняюсь за Скарлетт уже очень долго. Вчера я был в Лас-Вегасе. Нашел открытку на стоянке у казино. Там было написано одно слово. Всего одно слово, ярко-красной помадой: *Помни*. На открытке изображен отрезок какой-то автомагистрали в штате Монтана.

Я не помню, что именно мне надо помнить. Сейчас я еду на север.

Вторник 29-е

В Монтане или, может, в Небраске. Пишу эти строчки в мотеле. Снаружи беснуется ветер, я пью черный мотельный кофе — точно так же, как буду пить его завтра и послезавтра. Сегодня в закусочной в каком-то маленьком городке один человек

произнес ее имя. «Скарлетт в пути», — сказал тот мужик, полицейский из автоинспекции. Я подошел ближе, чтобы послушать, но он уже сменил тему.

Он рассказывал о какой-то аварии на трассе, о лобовом столкновении. Битые стекла блестели на асфальте, точно бриллианты. Тот мужик обратился ко мне «мадам», очень любезно.

Среда 30-е

— Достает не сама работа, — сказала женщина. — Больше всего достает, как на тебя смотрят люди. — Ее била дрожь. Ночь выдалась зябкой, а женщина вышла одетой явно не по погоде.

— Я ищу Скарлетт, — сказал я.

Она стиснула мою руку, потом погладила меня по щеке, так нежно, так ласково.

— Ищи, милый, ищи. Ты найдешь ее, когда будешь готов.

Потом она ушла прочь — плавной, скользящей походкой.

Это было уже не в маленьком городке. Может быть, это было в Сент-Луисе. Как понять, что ты оказался в Сент-Луисе? Я искал некий соединительный перешеек, что-то такое, что соединяет Восток и Запад, но даже если оно там и было, я

его не заметил.

Чуть позже был мост через реку.

Четверг 31-е

Вдоль дороги — заросли черники. Красная нитка запуталась в кустах. Мне страшно: а вдруг я ищу то, чего больше нет. И, может, и не было никогда.

Сегодня я разговаривал с женщиной, которую когда-то любил. В кафе в пустыне. Она работает там официанткой. Давным-давно.

Она сказала:

— Я думала, ты едешь ко мне. Но, похоже, что я для тебя лишь остановка на пути в пункт назначения. Одна из многих.

Я не смог ничего сказать, чтобы ей стало хоть чуточку лучше. Она меня просто не слышала. Надо было спросить у нее, где Скарлетт. Может, она что-то знала.

Пятница 32-е

Этой ночью мне снилась Скарлетт. Она была огромной и дикой. Она охотилась на меня. Там, во сне, я доподлинно знал, какая она с виду. Я проснулся в пикапе, припаркованном у обочины

автотрассы. Какой-то парень светил фонариком мне в окно. Он обратился ко мне «сэр» и попросил предъявить документы.

Я сказал ему кто я такой (как это виделось мне) и кого и ищу. Он лишь рассмеялся и ушел, качая головой. Он насвистывал какую-то песенку, которую я не знал. Я поехал на юг, в новое утро. Иногда мне становится страшно, что все это уже превращается в одержимость. В какую-то навязчивую идею. Она идет пешком. Я еду в машине. Почему она вечно опережает меня?

Суббота 1-е

Нашел коробку из-под обуви, в которой храню всякие штуки. В джэксонвиллском «Макдоналдсе» съел гамбургер с сыром, выпил шоколадный коктейль. Разложил на столе все, что хранится в коробке. Красная нитка с куста черники; открытка; полароидный снимок, найденный на заросшем фенхелем пустыре рядом с бульваром Сансет — на снимке шепчутся две девчонки, поверяют друг другу свои секреты, их лица похожи на два расплывшихся пятна; аудиокассета; какие-то золотистые блестки в крошечном пузыречке, который мне подарили в Вашингтоне; страницы, выдранные из журналов и книг. Фишка из кази-

но. Этот дневник.

— Сейчас, когда ты умрешь, — говорит черноволосая женщина за соседним столиком, — из тебя могут сделать бриллиант. Тут все по-научному. Я хочу, чтобы меня помнили именно так. Хочу сиять.

Воскресенье 2-е

Тропы, по которым проходят призраки, начертаны на земле буквами древних слов. Духи мертвых не пользуются автотрассами. Они ходят пешком. Может быть, я гоняюсь за призраком? Иногда у меня возникает такое чувство, что я смотрю и вижу ее глазами. А иногда — что она смотрит и видит моими.

И Уилмингтоне, штат Северная Каролина. Пишу эти строки на пустом пляже, и солнечный свет переливается на морской глади, и мне сейчас так одиноко.

Мы все выдумываем по ходу. Правда?

Понедельник 3-е

Я был в Балтиморе, стоял в переулке под мелким осенним дождем и думал, куда я иду. Кажется, я видел Скарлетт в проехавшей мимо машине. Она

сидела рядом с водителем, на переднем сиденье. Я не видел ее лица, но у нее были рыжие волосы. Женщина, которая вела машину — престарелый пикап, — была толстой и донельзя счастливой. У нее были длинные черные волосы. И смуглая кожа,

В ту ночь я спал в доме у незнакомого человека. Когда я проснулся, он сказал:

— Она в Бостоне.

— Кто?

— Та, кого ты ищешь.

Я спросил, откуда он знает, но он не стал говорить со мной. Потом, по прошествии какого-то времени, он попросил меня уйти, и я ушел. Не так чтобы сразу, но все же достаточно быстро. Мне хотелось домой. И если бы я знал, где мой дом, я бы туда и пошел. А так я снова отправился в путь.

Вторник 4-е

В полдень проехал Ньюарк, видел верхушку Нью-Йорка, уже тогда затемненную взвешенной в воздухе пылью, а теперь накрытую грозой, словно ночью. Это мог быть конец света.

Думается, конец света пройдет в черно-белых тонах, наподобие старого кино. (Волосы черные как смоль, моя радость, кожа белее снега.) Может

быть, мир не рухнет, пока у нас остаются цвета. (Губы алые, как кровь, напоминаю себе вновь и вновь.)

В Бостон я приехал под вечер. В какой-то момент вдруг поймал себя на том, что ищу ее в зеркалах и отражениях. Иногда я вспоминаю то время, когда белые люди пришли в этот край, и когда черные люди брели, спотыкаясь, по берегу моря в цепях. Я вспоминаю то время, когда в эту землю пришли краснокожие люди, когда земля была гораздо моложе.

Я помню то время, когда земля была одинокой,

— Разве можно продать свою мать? — так ответили первые люди, когда у них попросили продать ту землю, по которой они ступали.

Среда 5-е

Она говорила со мной вчера вечером. Уверен, это была она. Я проходил мимо телефона-автомата на улице в Метайри, штат Луизиана. Телефон зазвонил, я взял трубку.

— У тебя все в порядке? — сказал голос в трубке.

— Это кто? — спросил я. — Может быть, вы ошиблись номером.

— Может быть, — сказала она. — Но у тебя все

в порядке?

Я сказал:

— Я не знаю.

— Знай, что тебя любят, — сказала она. И я понял, что это должна быть она. Мне хотелось сказать ей, что я тоже ее люблю, но пока собирался, она уже повесила трубку. Если это была она. Мы говорили меньше минуты, Может быть, кто-то правда ошибся номером, хотя я сомневаюсь.

Я уже близко. Совсем-совсем близко. Покупаю открытку у бездомного парня, который сидит прямо на тротуаре, разложив разные штуки на расстеленном одеяле. Пишу на открытке: «Помни», — ярко-красной помадой, так что теперь я уже никогда не забуду, но порыв ветра вырывает открытку из рук и уносит куда-то туда, и вот прямо сейчас я, наверное, пойду дальше. И пока буду идти.

Повелитель Горной долины
новелла из цикла «Американские боги»

Она сама – словно дом, населенный призраками. Она сама не властна над собой; иногда ее предки являются и выглядывают из ее глаз, как из окон, и это выглядит очень пугающе.

Анджела Картер, «Хозяйка дома любви»

Глава первая

— Если хотите знать мое мнение, — сказал Тени худощавый пожилой человек, — вы в своем роде монстр. Я прав?

Если не считать барменши, кроме них в баре при гостинице в городке на северном побережье Шотландии никого не было. Тень сидел себе за столиком, тянул светлое пиво, когда к нему пересел этот человечек. Лето подходило к концу, и Тени казалось, что все кругом холодное, маленькое и сырое. На столе перед ним лежала книга «Приятные прогулки по окрестностям», и он изучал маршрут, которым собирался пойти завтра: к береговым скалам и дальше к мысу Гнева.

Он закрыл книгу.

— Я американец, — ответил он, — если вы это имели в виду.

Склонив голову набок, человечек театрально подмигнул. У него были отливающие сталью седые волосы, серое лицо и серый дождевик, и выглядел он как провинциальный юрист.

— Это как посмотреть, — сказал он. — Возможно, как раз об этом я и говорил.

За свое недолгое пребывание в этих краях Тень

лишь едва-едва научился понимать местный выговор: сплошь гортанная картавость с вкраплениями раскатистого «р» да еще странные слова, но с серым незнакомцем проблем не возникало. Все в речи человечка было маленьким и живым, каждое слово произносилось так четко и правильно, что Тени казалось, будто это он сам говорит с полным ртом овсянки.

Отпив из своей рюмки, человечек продолжал:

— Так, значит, американец. Чрезмерная сексуальность, чрезмерная зарплата и к нам — через океан, да? На вышках работаете?

— Прошу прощения?

— Нефтяник? С буровых платформ на шельфе. К нам сюда время от времени эти парни заваливают.

— Нет. Я не с буровых.

Достав из кармана трубку и маленький перочинный ножик, человечек начал счищать со стенок чашечки окалину. Потом, постучав, вытряс черные крошки в пепельницу.

— В Техасе, знаете ли, есть нефть, — сказал он, помолчав, точно поверял великую тайну. — Это в Америке.

— Да, — согласился Тень.

Он подумал было, не сказать ли что-нибудь про

Техас, например, что Техас, кажется, действительно находится в Техасе, но решил, что тогда придется объяснять, в чем соль шутки, а потому промолчал.

Тень почти два года старался держаться подальше от Америки. И когда рухнули небоскребы, его там не было. Иногда он говорил себе, что возвращаться ему незачем, и, случалось, почти готов был в это поверить. В Шотландию он приехал два дня назад, высадился в Турсо с парома, пришедшего с Оркнейских островов, и в этот городок добрался автобусом.

А человечек все не унимался:

— В Абердин приезжал один техасский нефтяник. Познакомился в пабе с одним стариком, совсем как мы с вами. Так вот они разговорились, а техасец и скажи: «У себя дома я встаю утром, сажусь в машину (уж извините, акцент я передавать не стану), поворачиваю ключ в замке зажигания, вдавливаю педаль акселератора…» — вы ее называете…

— Педаль газа, — покорно подсказал Тень.

— Вот именно. «Давлю после завтрака на газ и даже до обеда не успеваю доехать до конца моего участка». А хитрый старый шотландец только кивает и говорит: «Угу-угу, и у меня когда-то была

такая машина».

Человечек пронзительно рассмеялся, показывая, что шутке конец. Тень улыбнулся и кивнул, показывая, мол, понял, что это шутка.

— Что пьете? Светлое. Дженни-солнышко, повтори нам. Мне «Лагавулин»[8]. — Человечек набил в трубку табак, который достал из кисета. — Вам известно, что Шотландия больше Америки?

Когда Тень вечером сюда спустился, в баре при гостинице не было ни души. Только худая барменша, которая, куря, читала газету. Он пришел сюда посидеть у камина, поскольку номер ему дали промозглый, а металлические батареи на стене были еще холоднее, чем воздух в комнате. Он не рассчитывал на компанию.

— Нет, — отозвался он, всегда готовый разыграть простака. — Не знал. С чего вы взяли?

— Все дело в дробности, — объяснил человечек. — Чем меньшие величины вы рассматриваете, тем больше видите. Если знать, какой дорогой ехать, Америку можно пересечь за тот же срок, что и Шотландию. Непонятно? Ну, возьмем карту, на ней побережье кажется единой плотной

---

[8] Примечания: 8
Сорт виски

линией. Но когда идете по нему пешком, оно изрезанное и извилистое. Все. Об этом целая передача была по телевизору. Удивительные вещи.

— О'кей, — отозвался Тень.

Вспыхнул огонек зажигалки, и человечек стал тянуть и пыхтеть, тянуть и пыхтеть, пока не удостоверился, что раскурил трубку как надо, а тогда убрал зажигалку, кисет и ножик назад в карман пальто.

— Это все не к тому, — сказал человечек. — Полагаю, вы останетесь здесь на уик-энд?

— Да, — сказал Тень. — Вы… вы служащий гостиницы?

— Нет-нет. По правде говоря, когда вы приехали, я стоял в холле. Услышал, как вы разговариваете с Гордоном за стойкой.

Тень кивнул. Ему казалось, что, когда он заполнял регистрационную карточку, в холле гостиницы не было ни души, но вполне возможно, человечек просто проходил мимо. И тем не менее… было в этом разговоре что-то неверное. Во всем происходящем было что-то не так.

Барменша Дженни поставила на стойку их кружки.

— Пять двадцать, — сказала она и, развернув газету, снова в нее углубилась.

Сходив к стойке, человечек заплатил и вернулся с кружками.

— Вы к нам надолго? — спросил он.

Тень пожал плечами:

— Хотел поглядеть, каково тут. Побродить по побережью. Посмотреть достопримечательности. Может, на неделю. Может, на месяц.

Дженни отложила газету.

— Это глухая дыра в чертовой заднице, — весело сказала она. — Вам следовало бы подыскать себе место поинтереснее.

— Вот тут ты ошибаешься, — возразил человечек. — Это глухая дыра посреди задницы только тогда, когда смотришь не с той стороны. Видите вон ту карту, приятель? — Он указал на засиженную мухами карту Северной Шотландии, висящую на стене против стойки. — Знаете, что с ней не так?

— Нет.

— Она вверх ногами! — победно возвестил человечек. — Север наверху. Карта должна говорить людям, где мир кончается. Дальше ходу нет. Там край света. Но понимаешь, раньше все было не так. Раньше это был не север Шотландии. Это была самая южная оконечность мира викингов. Знаешь, как называется предпоследнее графство

Шотландии к северу?

Тень поглядел на карту, но она была слишком далеко, подписей не разобрать.

— Сатерленд! — осклабился человечек. — Южный край. Не для всех, разумеется, но для викингов уж точно.

К ним подошла барменша Дженни.

— Я отлучусь ненадолго, — сказала она. — Если до моего возвращения вам что-нибудь понадобится, спросите портье.

Подложив в камин полено, она вышла в холл.

— Вы историк? — спросил Тень.

— Вот насмешили! — хохотнул человечек. — Возможно, вы и монстр, но весельчак. Надо отдать вам должное.

— Я не монстр.

— Ну да, ну да, именно так и говорят все монстры, — отозвался человечек. — Раньше в Сент-Эндрюсе у меня была специализированная клиника. А теперь так, общая практика. Ну, в общем и целом, тоже была. Я почти отошел от дел. Хожу пару дней на неделе в местную больницу, только чтобы скальпель в руке не дрожал.

— Почему вы все время называете меня монстром? — спросил Тень.

— Потому что я сам отчасти монстр, — ска-

зал человечек, поднимая стакан виски с видом человека, приводящего неопровержимый аргумент. — Свояк своякa и так далее… Все мы монстры, разве не так? Прекрасные монстры, плетущиеся по болотам неразумия… — Он остановился отхлебнуть виски, потом сказал: — Скажите, такой здоровяк, как вы… Вы никогда вышибалой не были? «Извини приятель, боюсь, сегодня тебе сюда нельзя, закрытое мероприятие, поэтому сматывай удочки и вали» и так далее?

— Нет, — покачал головой Тень.

— Но чем-то подобным наверняка занимались?

— Да, — согласился Тень, который когда-то работал телохранителем у старого бога, но это было в другой стране.

— И вы… э… простите, что спрашиваю, не поймите меня неправильно… Вам нужны деньги?

— Всем нужны деньги. Но у меня все в порядке. — Это было далеко не так, но истина заключалась в том, что когда Тень нуждался в деньгах, мир как будто из кожи вон лез, чтобы его ими обеспечить.

— А вам не хотелось бы заработать немного на карманные расходы? Побыть вышибалой? Дело плевое.

— На дискотеке?

— Не совсем. На частной вечеринке. Одна компания снимает большой старый дом в наших местах, в конце лета они со всего света сюда приезжают. Но, скажем, в прошлом году, веселье было в самом разгаре, шампанское под открытым небом лилось рекой, а потом возникли проблемы. Серьезные проблемы. Такие кому угодно уик-энд испортят.

— С местными жителями?

— Не совсем.

— Проблемы политические? — спросил Тень. Ему не хотелось впутываться в местную политику.

— Ни в коей мере. Так, щенки. Волосатики и прочие идиоты. И вообще в этом году они скорее всего не вернутся. Вероятно, уже свалили еще в какую-нибудь глушь и там устраивают демонстрации против международного капитализма. Но для перестраховки ребята из большого дома попросили меня поискать кого-нибудь, кто мог бы нагнать на них страху. Вы малый крупный, им именно такой нужен.

— Сколько? — спросил Тень.

— Если придется драться, сумеете за себя постоять? — ответил вопросом на вопрос человечек.

Тень промолчал. Серый человечек смерил его взглядом, потом снова улыбнулся, показывая желтые прокуренные зубы.

— Полторы тысячи фунтов всего за уик-энд. Это хорошие деньги. К тому же наличными. И перед налоговой инспекцией отчитываться незачем.

— В ближайший уик-энд? — спросил Тень.

— Начиная с утра пятницы. Дом большой. По сути, достроенный и перестроенный замок. К западу от мыса Гнева.

— Надо подумать, — сказал Тень.

— Если согласитесь, — продолжал серый человечек, — у вас будет фантастический уик-энд в историческом поместье, и могу гарантировать, что вы познакомитесь со всякими интересными людьми. Чего еще желать в отпуске, да еще денег заработаете. Жаль, что сам я уже немолод. И э… если уж на то пошло, ростом не вышел.

— Ладно, — сказал Тень, и как только произнес эти слова, спросил себя, не пожалеет ли.

— Молодчина. Я еще с вами свяжусь, расскажу, как и что.

Серый человечек встал и, проходя мимо, мягко хлопнул Тень по плечу. А потом ушел, оставив его в баре одного.

Глава вторая

Тень странствовал почти полтора года. С рюкзаком за плечами он пересек Европу и добрался до северной Африки. Он собирал оливки и ходил на лов сардин, крутил баранку грузовика и продавал вино у обочины шоссе. Наконец, несколько месяцев назад он вернулся автостопом в Норвегию, в Осло, где родился тридцатью пятью годами ранее.

Он сам толком не понимал, чего, собственно, ищет. Знал только, что еще не нашел, хотя бывали минуты — на горном склоне, на утесах или у водопада, — у него возникало пронзительное ощущение, что то неведомое искомое совсем рядом: за выступом гранитной скалы или в ближайшем сосновом лесу. И все же возвращение на родину оставило по себе глубокую неудовлетворенность, и когда в Бергене его спросили, не хочет ли он восполнить недостающую половину экипажа моторной яхты, направлявшейся в Канны на встречу со своим владельцем, он согласился.

Из Бергена они пошли под парусом на Шетландские острова, оттуда — на Оркнейские, где провели ночь в пансионе с завтраком в Сторм-

нессе. Утром при выходе из гавани окончательно и бесповоротно отказали двигатели, и судно пришлось на буксире оттащить назад к причалам.

Бьёрн — капитан и вторая половина экипажа — остался на яхте объясняться со страховщиками и отвечать на гневные звонки владельца. Тень не видел причин оставаться и потому сел на паром до городка Турсо на северном побережье Шотландии.

Ему не сиделось на месте. По ночам ему снились трассы, то, как он въезжает на сияющую неоном окраину города, где люди говорят по-английски. Иногда этот город находился на Среднем Западе, иногда во Флориде, иногда на Восточном побережье, иногда на Западном.

Сойдя с парома, он купил путеводитель живописных прогулок, обзавелся расписанием автобусов и отправился куда глаза глядят.

Вернулась барменша Дженни и начала протирать все поверхности тряпкой. Завязанные в узел волосы у нее были такие светлые, что казались почти белыми.

— И как в ваших краях развлекаются? — спросил Тень.

— Пьют. Ждут смерти; — мрачно откликнулась она. — Или едут на юг. На том, по сути, варианты

исчерпываются.

— Вы уверены?

— Ну, сами подумайте. У нас тут нет ничего, кроме овец и холмов. Живем мы, разумеется, за счет туристов, но вас на самом деле слишком мало. Грустно, правда?

Тень пожал плечами.

— Вы из Нью-Йорка? — спросила она.

— Из Чикаго. Но сюда я приехал из Норвегии.

— Вы говорите по-норвежски?

— Немного.

— Тогда вам стоит кое с кем познакомиться, — вдруг сказала она, потом поглядела на часы. — Кое с кем, кто тоже приехал сюда из Норвегии, но это было давным-давно. Пойдемте.

Убрав тряпку, она щелкнула выключателем за стойкой и направилась к двери.

— Пойдемте, — повторила она.

— А вы можете вот так уйти? — спросил Тень.

— Я могу делать все, что захочу, — отозвалась она. — Это ведь свободная страна, так?

— Наверное, да.

Она заперла дверь бара латунным ключом. Они вышли в холл.

— Подождите здесь, — сказала она и исчезла за дверью с табличкой «Частное помещение», отку-

да появилась через несколько минут в длинном коричневом пальто. — Ну вот, я готова. Идите за мной.

На улице было темно и ветрено.

— Так у вас это поселок или маленький городок? — спросил Тень.

— Это, мать его, кладбище. Нам туда. Идемте.

Они шли по узкой дороге. Луна светила огромная и желтовато-бурая. Тень расслышал шум моря, хотя самого его еще не видел.

— Вас зовут Дженни? — спросил он.

— Верно. А вас?

— Тень.

— Это ваше настоящее имя?

— Так меня называют.

— Тогда пойдемте, Тень.

На вершине холма они остановились. Поселок остался далеко внизу, но перед ними стоял серый каменный дом. Свет внутри не горел. Открыв калитку. Дженни повела Тень по тропинке к входной двери. Он задел росший рядом с тропинкой небольшой куст, и воздух наполнился сладким ароматом лаванды.

— Чей это дом? — спросил Тень. — Выглядит пустым.

— Не волнуйтесь, — сказала Дженни. — Через

минуту хозяйка будет дома.

Она толкнула незапертую дверь, и они вошли внутрь. Дженни нажала клавишу выключателя у двери. Большую часть первого этажа занимала кухня, одновременно служившая гостиной. Вдоль одной стены шла крохотная лесенка, уводившая, как предположил Тень, в спальню на чердаке. На сосновой стойке стоял CD-проигрыватель.

— Это ваш дом, — констатировал Тень.

— Дом, милый дом, — согласилась она. — Хотите кофе? Или чего-нибудь выпить?

— Ни того, ни другого, — отозвался Тень, спрашивая себя, что, собственно, Дженни нужно. Она едва на него смотрела, даже не улыбнулась ни разу.

— Я правильно все расслышала? Доктор Гаскелл просил вас помочь приглядеть за вечеринкой на уик-энд?

— Наверное.

— И что вы намерены делать завтра и в пятницу?

— Гулять, — ответил Тень. — У меня есть путеводитель. Там обещают несколько красивых пеших маршрутов.

— Кое-какие из них красивые. Кое-какие опасные. Кое-где даже летом можно найти в тени

оставшийся с зимы снег. В тени многое что способно протянуть очень и очень долго.

— Я буду осторожен, — пообещал Тень.

— Вот и викинги так говорили, — с улыбкой отозвалась Дженни. Сняв пальто, она бросила его на ярко-пурпурный диван. — Возможно, на утесах мы встретимся. Я люблю гулять. — Она вытянула шпильку из узла волос у себя на затылке, и по плечам рассыпались светлые-пресветлые локоны. Они были длиннее, чем поначалу решил Тень.

— Вы одна тут живете?

Достав из лежащей на стойке пачки сигарету, она прикурила от спички.

— А вам какое дело? — спросила она. — Вы ведь на ночь не останетесь, так?

Тень покачал головой.

— Гостиница у подножия холма, — сказала она. — Пропустить невозможно. Спасибо, что проводили меня до дома.

Пожелав ей доброй ночи. Тень вышел в лавандовую ночь. Постоял немного, озадаченно глядя на луну над морем. Потом спустился с холма и вышел к гостинице. Дженни была права: пропустить невозможно. Он поднялся по лестнице, отпер дверь своего номера ключом на короткой

и толстой палочке-бирке и вошел в комнату. Там было гораздо холоднее, чем в коридоре.

Сняв ботинки, он, не зажигая света, растянулся на кровати.

Глава третья

Корабль был из ногтей мертвецов и ни шатко ни валко плыл сквозь туман, то задирая нос, то скатываясь с гребней бурных волн.

На палубе маячили тени, мужчины ростом с холмы или дома, и, приблизившись. Тень смог различить их лица: гордые воины, все как один сильные и крепкие духом. И качка им как будто была нипочем, каждый, застыв в ожидании, точно прирос к палубе.

Сделав шаг вперед, один поймал руку Тени в собственную гигантскую лапищу. Тень ступил на серую палубу.

— Добро пожаловать к проклятым, — низким скрипучим голосом сказал тот, кто сжимал руку Тени.

— Привет тебе! — отозвались остальные на палубе. — Привет тебе, солнценосный! Привет тебе, Бальдр!

В свидетельстве о рождении Тени значилось Бальдур Лун, но он покачал головой.

— Это не я, — сказал он им. — Я не тот, кого вы ждете.

— Мы тут умираем, — не отпуская его руки,

сказал человек со скрипучим голосом.

Холодно было в этом туманном месте между миром живых и миром потусторонним. Соленая пыль разбивалась о нос корабля, и Тень промок до нитки.

— Верни нас назад, — сказал державший его руку. — Верни нас домой или дай нам уйти.

— Я не знаю как, — ответил Тень.

И тогда мужчины на палубе принялись причитать и выть. Одни ударяли древками копий в палубу, другие били короткими мечами по медным накладкам на кожаных щитах, создавая ритмичный грохот в аккомпанемент крикам, которые из воплей горя превратились в улюлюканье берсерков…

В небе раннего утра кричала чайка. Ночью ветер распахнул окно и теперь стучал рамой о стену. Тень лежал на нерасстеленной кровати в узком номере отеля. Кожа у него была влажной — возможно, от пота.

Начинался еще один холодный день конца лета.

В отеле ему упаковали в контейнер несколько сандвичей с курицей, яйцо вкрутую, пакетик чипсов с сыром и луком и яблоко. Протягивая ему контейнер, портье Гордон спросил, когда

его ждать назад, и объяснил, что если он опоздает больше чем на пару часов, они вызовут спасателей, а еще попросил у Тени номер его мобильного.

Мобильного телефона у Тени не было.

Он отправился по маршруту, ведущему к побережью. Пейзаж завораживал дикой, безлюдной красой, звеневшей и отдававшейся эхом в пустотах в душе Тени. Он представлял себе Шотландию мягким краем — сплошь поросшие вереском пологие холмы, но здесь, на Северном побережье, все, даже серые облака, бегущие по бледно-голубому небу, казалось угловатым и острым.

Он шел по проложенному в книжке маршруту — через поросшие кустарником луга, мимо сараев, вверх-вниз по каменистым холмам.

Временами он воображал, что стоит неподвижно, а мир движется под ним, что он просто перебирает землю ногами.

Маршрут оказался утомительнее, чем он ожидал. Он планировал поесть в час, но к полудню ноги у него устали, и вообще захотелось отдохнуть. Он дошел по тропинке до склона холма, где за выступающим валуном можно было удобно укрыться от ветра, и присел на корточки съесть свой ленч. Далеко впереди было видно море…

нет. Атлантический океан.

Он думал, что здесь один.

— Отдадите мне свое яблоко? — спросил женский голос.

Это была Дженни, барменша из гостиницы. Ее слишком светлые волосы разметал по плечам ветер.

— Здравствуйте, Дженни, — сказал Тень, отдавая ей яблоко.

Достав из кармана коричневого пальто складной нож, она села рядом с ним.

— Спасибо.

— Вы говорите совсем без акцента, — сказал Тень. — Наверное, вы приехали из Норвегии совсем маленькой. Я хочу сказать, на мой взгляд, вы говорите совсем как местные.

— Разве я сказала, что приехала из Норвегии?

— Разве нет?

Наколов кусочек яблока, она манерно ела его с ножа, касаясь только зубами.

— Это было очень давно. — Она глянула на него искоса.

— По семейным обстоятельствам?

Она повела плечами, словно хотела ими пожать, как будто тот ответ, какой могла бы ему дать, считала ниже своего достоинства.

— Вам тут нравится?

Посмотрев на него в упор, она покачала головой.

— Я чувствую себя как «хульдр».

Это слово он слышал раньше. В Норвегии.

— Это ведь какая-то разновидность троллей, да?

— Нет, это создания гор. Они похожи на троллей, но приходят из леса. И они очень красивы. Как я. — Произнося эти слова, она усмехнулась, будто знала, что слишком худая, слишком бледная и мрачная, чтобы считаться красивой. — Они влюбляются в фермеров.

— Почему?

— Откуда мне, черт побери, знать! — отрезала она. — Просто влюбляются. Иногда фермер догадывается, что разговаривает с хульдр, потому что сзади у нее свисает коровий хвост или, еще хуже, сзади у нее вообще ничего нет, она просто полая и пустая, как раковина. Тогда фермер читает молитву или убегает к своей мамочке и своей ферме. Но иногда фермеры не убегают. Иногда какой-нибудь смельчак бросает нож ей через плечо или просто улыбается и берет хульдр в жены. Тогда у нее отпадает хвост. Но она все равно гораздо сильнее обычной женщины. И она

все равно томится по своему дому в горах и лесах. Она никогда не будет по-настоящему счастлива. Она никогда не станет человеком.

— И что с ней происходит потом? — спросил Тень. — Она стареет и умирает со своим фермером?

От яблока осталась лишь сердцевинка. Ловким движением Дженни швырнула ее. Описав высокую дугу, сердцевинка полетела к подножию холма.

— Когда ее муж умирает… Наверное, она возвращается в свои леса и холмы. — Она смотрела перед собой на склон. — Есть история про то, как один фермер взял в жены хульдр, но дурно с ней обращался. Кричал на нее, не помогал по хозяйству и в поле, возвращался домой из селения пьяный и злой. Иногда он ее бил. Так вот. Однажды она готовила завтрак, а он пришел и начал на нее кричать, мол, еда ему не готова, мол, она ничегошеньки не умеет, мол, он вообще не знает, зачем на ней женился. Какое-то время она его слушала, а потом, не произнося ни слова, подошла к очагу и взяла кочергу. Тяжелую чугунную кочергу. Взяла и без малейшего усилия согнула в кольцо. Один в один ее обручальное, только больше. Не хмыкнула, не вспотела, просто

согнула, как ты бы согнул тростинку. Увидев это, ее фермер побелел как полотно и ничего больше не сказал про свой завтрак. Он видел, что она сделала с кочергой, и понял, что в любой момент за прошедшие пять лет она могла бы сделать то же самое и с ним. И до дня своей смерти он больше и пальцем ее не тронул, ни разу сурового слова не сказал. А теперь объясните мне, мистер Все-зовут-меня-Тень: если она могла это сделать, то почему позволяла ему себя бить? Зачем ей вообще сдался такой человек? Ну, как это объяснить?

— Может быть, — сказал Тень, — может быть, она была одинока?

Она вытерла нож о джинсы.

— Доктор Гаскелл все твердил, что вы монстр, — сказала она. — Это правда?

— Не думаю, — ответил Тень.

— А жаль, — сказала она. — С монстрами всегда знаешь, как обстоят дела, верно?

— Вы знаете?

— Абсолютно. Под конец дня попадешь на обед. Только не ты будешь обедать, а тобой пообедают. Кстати об обеде, я вам кое-что покажу. — Встав, она повела его верх по склону. — Видите? Вон там? На дальнем склоне холма, где он обрывается в горную долинку, если присмотритесь, можно

разглядеть дом, где вы будете работать в этот уик-энд. Видите? Вон там.

— Нет.

— Глядите внимательнее. Я укажу. Смотрите вдоль моего пальца.

Дженни стала совсем рядом, вытянула руку и показала на склон дальней гряды. Он увидел, как лучи солнца отразились от чего-то, что, наверное, было озером — это «лох», поправил он самого себя, в конце концов он же в Шотландии, — а над ним темнели на склоне серые камни. Сперва Тень принял их за выступ породы, но они были слишком правильными, несомненно, какое-то строение.

— И это замок?

— Я бы так его не назвала. Просто большой дом в долине.

— Вы на тамошних вечеринках бывали?

— Местных они не приглашают. А меня и подавно. Но вам все равно не надо туда ехать. Вам следовало бы отказаться.

— Они хорошо платят, — объяснил Тень.

Тут она впервые его коснулась: положила белый-пребелый палец на тыльную сторону его темной ладони.

— А какое дело монстру до хороших денег? —

спросила она и улыбнулась. Тень, чертыхнувшись, подумал: «А ведь она, черт побери, действительно красивая». Но тут она убрала руку и отступила на шаг. — М-да. Вам, наверное, нужно продолжать прогулку? У вас не так много времени осталось, скоро придется поворачивать назад. Когда начинает смеркаться, в конце лета темнеет быстро.

Дженни осталась посмотреть, как он забрасывает на плечи рюкзак и спускается с холма. У подножия он обернулся и посмотрел вверх. Она все еще глядела ему вслед. Тень помахал, и Дженни помахала ему в ответ.

Когда он оглянулся в следующий раз, на холме уже никого не было.

Через узкий проливчик он перебрался паромом на мыс и стал подниматься к маяку. А обратно вниз поехал на маршрутном автобусе.

В гостиницу он вернулся в восемь вечера, усталый, но довольный. Незадолго до сумерек пошел дождь, но он успел укрыться в покосившемся, заброшенном домишке и, пока по крыше барабанили капли, читал газету пятилетней давности. Через полчаса дождь перестал, но Тень порадовался, что надел крепкие ботинки, так как тропинку развезло.

Он умирал от голода и спустился в ресторан. Там было пусто.

— Эй? — окликнул Тень.

— Угу. — В дверь между рестораном и кухней выглянула пожилая женщина.

— Обед еще подаете?

— Угу. — Она смерила его неодобрительным взглядом от заляпанных глиной ботинок до встрепанных волос. — Вы у нас остановились?

— Да. В одиннадцатом номере.

— Ну… вам, наверное, захочется переодеться к обеду, — сказала она. — Так добрее по отношению к другим обедающим.

— Значит, подаете.

— Угу.

Поднявшись к себе в номер, он бросил на кровать рюкзак и стащил ботинки. Надел кроссовки, провел расческой по волосом и спустился снова.

В столовой уже не было пусто. За столиком в углу сидели двое, притом настолько отличные друг от друга, насколько вообще могут отличаться два человека. Слева горбилась по-птичьи над столом невысокая женщина лет шестидесяти. Напротив нее сидел молодой человек — крупный, неловкий и совершенно лысый. Тень решил, что это мать и сын.

Он сел за стол в середине.

Появилась с подносом пожилая официантка и поставила перед парой по тарелке супа. Молодой человек начал на суп дуть, чтобы остудить, а мать сильно постучала по его руке ложкой.

— Прекрати, — сказала она и начала ложкой отправлять себе в рот суп, с шумом его всасывая.

Лысый молодой человек грустно оглядел зал ресторана. Встретившись с ним взглядом. Тень кивнул. Молодой человек вздохнул и вернулся к своему дымящемуся супу.

Тень без энтузиазма проглядел меню. Он уже готов был сделать заказ, но официантка снова исчезла.

Краем глаза Тень уловил мазок серого — в дверь ресторана заглянул доктор Гаскелл. Вошел и направился прямо к столику Тени.

— Вы не против, если я к вам присоединюсь?

— Отнюдь. Прошу вас. Садитесь.

Доктор Гаскелл сел напротив Тени.

— Хорошо провели день?

— Очень хорошо. Много ходил.

— Лучший способ нагулять аппетит. Итак. Завтра с самого утра за вами пришлют машину. Захватите свой багаж. Вас отвезут в дом. Введут вас в курс дела.

— А деньги? — спросил Тень.

— Это они тоже уладят. Половину до, половину после. Еще что-нибудь хотите узнать?

От двери на кухню за ними наблюдала официантка, но как будто и не собиралась подойти.

— Ага. Что нужно сделать, чтобы получить в этих местах чего-нибудь поесть?

— Чего вы хотите? Я бы рекомендовал бараньи отбивные. Мясо местное.

— Звучит неплохо.

— Прошу прощения, Мора, — громко позвал Гаскелл. — Извини, что тебя беспокою, но можно нам обоим бараньи отбивные?

Поджав губы, официантка вернулась на кухню.

— Спасибо, — сказал Тень.

— Не за что. Еще чем-нибудь могу вам помочь?

— Да. Люди, которые приедут на вечеринку. Почему они не привозят профессиональных телохранителей? Зачем нанимать меня?

— Собственная охрана у них тоже будет, нисколько в этом не сомневаюсь. Своих людей они, разумеется, привезут. Но всегда хорошо иметь под рукой кого-нибудь из местных.

— Даже если этот местный — иностранный турист?

— Вот именно.

Мора принесла две тарелки супа и поставила их перед Тенью и доктором.

— Входят в обед, — мрачно сказала она.

Суп был слишком горячий и на вкус слегка отдавал томатной пастой и уксусом. Тень был настолько голоден, что съел почти всю тарелку, прежде чем сообразил, что суп ему не нравится.

— Вы говорили, что я монстр, — сказал Тень стально-серому человечку.

— Правда?

— Да.

— Ну, в наших краях полно монстров. — Он едва заметно кивнул на пару в углу. Взяв салфетку, маленькая женщина обмакнула ее в стакан с водой и энергично стирала пятнышки алого с губ и подбородка своего сына. Вид у него был смущенный. — Мы живем тихо, в глуши. В сводки новостей попадаем только в том случае, когда какой-нибудь скалолаз пропадает или еще лучше умирают голодной смертью туристы. Большой мир обычно вообще забывает о нашем существовании.

Появились бараньи отбивные — с гарниром из переваренного картофеля, недоваренной моркови и чего-то бурого и мокрого; последнее, как

предположил Тень, возможно, в прошлой жизни было шпинатом. Тень начал резать отбивную ножом. Доктор взял свою руками и с удовольствием принялся кусать и жевать.

— Вы сидели?

— Сидел?

— В тюрьме. Вы были в тюрьме. — Прозвучало это как утверждение, а не вопрос.

— Да.

— Значит, умеете драться. Способны, если придется, кому-нибудь наподдать.

— Если вам требуется кому-то наподдать, — сказал Тень, — я, вероятно, не тот, кто вам нужен.

Человечек усмехнулся, раздвинув серые губы в жире от отбивной.

— Уверен, что тот самый. Я просто спросил. Нельзя обижаться на человека только за то, что он спросил. Не будем об этом. Вот он — точно монстр, — продолжил человечек, указывая недоеденной отбивной в угол зала. Лысый молодой человек ел ложкой какой-то белый пудинг. — И его мамаша тоже.

— По мне, так на монстров не похожи, — возразил Тень.

— Боюсь, это не совсем удачная шутка. Местное чувство юмора. О моем следует предупреждать

на въезде в городок. Кстати о монстрах. Простите старика. Не верьте ни единому моему слову. — Сверкнув желтыми от табака зубами, доктор Гаскелл вытер рот и руки салфеткой. — Мора! Нам понадобится счет. Я плачу за обед молодого человека.

— Сейчас, доктор Гаскелл.

— Не забудьте, — сказал доктор Тени, — завтра утром в холле гостиницы в четверть девятого. Не позже. Они люди занятые. Если вас не будет на месте, они просто уедут, а вы упустите полторы тысячи фунтов за каких-то два дня работы, И премию, если они останутся довольны.

Послеобеденный кофе Тень решил выпить в баре. В конце концов, там был камин. Он надеялся, что тепло прогонит пробравший его до костей холод. За стойкой возился Гордон-портье.

— У Дженни сегодня выходной? — спросил Тень.

— Что? Нет, она просто подменяла. Она так иногда делает, когда народу слишком много.

— Вы не против, если я подброшу в камин еще полено?

— Не стесняйтесь.

«Если шотландцы так обращаются со своим летом, — подумал Тень, вспомнив афоризм Оскара

Уайльда, — они вообще никакого не заслуживают».

Вошел лысый молодой человек, нервно кивнул Тени. Тень кивнул в ответ. Насколько он мог разобрать, у него вообще никаких волос не было: ни бровей, ни ресниц. От этого молодой человек походил на младенца, был каким-то незаконченным. Тень спросил себя, не заболевание ли это или, быть может, побочный эффект химиотерапии. Пахло от него сыростью.

— Я слышал, что он говорил, — заикаясь, произнес лысый молодой человек. — Он назвал меня монстром. И мою маму тоже. У меня уши хоть куда. Я мало что упускаю.

Уши у него действительно были хоть куда: прозрачно розовые и торчащие по бокам головы, как плавники какой-то огромной рыбы.

— У вас прекрасные уши, — сказал Тень.

— Дразнитесь? — Голос у лысого сделался обиженный, а вид — такой, будто он вот-вот полезет драться. Он был лишь на дюйм ниже Тени, а Тень был человеком крупным.

— Если мои слова означают то, что я думаю, то не дразнюсь, даже в мыслях не имел.

Лысый кивнул:

— Это хорошо. — Он сглотнул и помялся. Тень

спросил себя, не следует ли ему сказать что-нибудь примирительное, но лысый продолжил: — Я тут не виноват. Это все шум. Я хочу сказать, сюда же приезжают, чтобы спастись от шума. И людей. И вообще там на склоне слишком много людей. Почему бы вам всем не убраться восвояси и не перестать так ужасно шуметь?

В дверях появилась его мать. Нервно улыбнувшись Тени, она поспешила к сыну и потянула его за рукав.

— Ладно, ладно, — сказала она. — Не расстраивайся так по пустякам. Все в порядке. — Она бросила на Тень птичий, успокаивающий взгляд. — Извините. Уверена, он это не всерьез.

К подошве ее туфли прилип кусок туалетной бумаги, а она этого еще не заметила.

— Все нормально, — сказал Тень. — Знакомиться с новыми людьми всегда полезно.

Она кивнула.

— Тогда ладно, — сказала она.

Ее сын вздохнул с явным облегчением. «А ведь он ее боится», — подумал Тень.

— Пойдем, лапочка. — Старая дама потянула сына за рукав. Он покорно поплелся за ней к двери. А там упрямо остановился и обернулся.

— Вы им скажите, — велел лысый молодой

человек, — пусть так больше не шумят.

— Я им передам, — пообещал Тень.

— Я ведь все слышу.

— Не беспокойтесь, обязательно передам.

— Он на самом деле хороший мальчик, — сказала мать лысого молодого человека и, все еще держа его за рукав, увела в холл. Кусок туалетной бумаги так и волочился за ней по полу.

Тень вышел за ними в холл.

— Прошу прощения.

Мать и сын разом обернулись.

— У вас что-то к туфле прилипло, — сказал Тень.

Она опустила глаза. Потом другой туфлей наступила на бумагу и высвободилась, после чего, одобрительно кивнув Тени, наконец удалилась.

Тень подошел к стойке портье.

— У вас есть подробная карта этих мест, Гордон?

— Военно-геодезического управления подойдет? Принесу вам ее в гостиную.

Вернувшись в бар, Тень допил кофе. Гордон принес ему карту. Тень был поражен обилием деталей: на ней как будто была помечена каждая овечья тропа. Он рассмотрел карту внимательно, прослеживая свой сегодняшний путь. Нашел

холм, на котором остановился и съел свой ленч. Провел пальцем к юго-западу.

— В ваших местах никаких замков нет?

— Боюсь, нет. Кажется, есть один к востоку. На стойке лежит справочник по замкам Шотландии, могу дать вам его посмотреть…

— Нет-нет, не надо. А как насчет больших усадеб в этих местах? Таких, какие можно было бы назвать замком? Или крупных поместий?

— Ну, есть отель «Мыс Гнева», вот тут. — Он указал на карте. — Но местность в тех местах довольно пустынная. Формально, с точки зрения заселенности, как они там ее еще называют, плотности населения, там просто пустыня. Боюсь, даже никаких колоритных развалин нет. И без машины туда не добраться.

Поблагодарив. Тень попросил разбудить его пораньше. Он пожалел, что не смог найти на карте дом, который видел с холма, но, быть может, он не туда смотрел. Такое с ним уже случалось.

Пара в соседнем номере ссорилась или занималась любовью. Тень не мог разобрать, что именно они делали, но всякий раз, как он начинал засыпать, повышенные голоса или крики вырывали его из дремы.

Позднее он даже не был уверен, действительно

ли это случилось, действительно ли она к нему приходила, или это был первый из снов за ту ночь, но незадолго до полуночи (судя по часам на прикроватном радио) в дверь его номера постучали. Он встал.

— Кто там? — позвал он.

— Дженни.

Открыв дверь, он поморщился на свет из коридора. Кутаясь в коричневое пальто, она смотрела на него неуверенно и нервно.

— Да?

— Завтра вы поедете в тот дом, — сказала она.

— Да.

— Я подумала, надо попрощаться. На случай, если у меня не будет шанса снова с вами увидеться. Если вы не вернетесь в гостиницу. А просто уедете куда-нибудь. И я больше никогда вас не увижу.

— Тогда до свидания, — сказал Тень.

Она оглядела его с ног до головы, осмотрела футболку и длинные трусы, в которых он спал, голые ноги, потом ее взгляд вернулся к его лицу. Вид у нее был встревоженный.

— Вы знаете, где я живу, — наконец сказала она. — Если понадобится, позовите.

Подняв руку, она мягко коснулась его губ ука-

зательным пальцем. Палец у нее был очень холодный. Потом отступила на шаг в коридор и так и осталась стоять лицом к нему, не делая никаких попыток уйти.

Закрыв дверь номера, Тень услышал удаляющиеся по коридору шаги. Он снова лег.

А вот дальнейшее точно было сном. Ему снилась его собственная жизнь, перепутанная и искаженная. Вот он сидит в тюрьме, учится фокусам с монетками и убеждает себя, что любовь к жене поможет ему преодолеть все что угодно. А то вдруг — Лора мертва, он на свободе и работает телохранителем у старого мошенника, который велел Тени называть себя Средой. А потом его сон заполнился богами: старыми, забытыми богами, нелюбимыми и брошенными богами, и богами новыми, мимолетными испуганными созданиями, одураченными и растерянными. Это было переплетение неправдоподобностей, «колыбель для кошки», которая превратилась в сеть, которая превратилась в спутанный клубок размером с весь мир…

Во сне он умер на дереве.

Во сне он восстал из мертвых.

А после была лишь тьма.

Глава четвертая

В семь зашелся визгом телефон у кровати. Тень принял душ, побрился, оделся и уложил свой мир в рюкзак. Потом спустился в ресторан на завтрак из пересоленной овсянки, вялого бекона и маслянистой яичницы. А вот кофе был на удивление хорош.

Без десяти восемь он уже ждал в холле.

В четырнадцать минут девятого вошел мужчина в дубленке. Он сосал самокрутку. Мужчина бодро протянул руку.

— Вы, должно быть, мистер Лун, — сказал он. — Моя фамилия Смит. Я вас подброшу в большой дом. — Рукопожатие у него было твердое. — А вы ведь здоровяк, да?

Непроизнесенным осталось: «Но я мог бы вас завалить», но Тень все равно его расслышал.

— Так мне говорят, — отозвался он. — Вы не шотландец.

— Только не я, приятель. Просто приехал на недельку проследить, чтобы все шло как по маслу. Я — лондонец до мозга костей. — Вспышка белых зубов на жестком, как лезвие топора, лице. Тень решил, что ему, наверное, за сорок. — Пой-

демте в машину. В курс дела введу вас по дороге. Это ваши вещи?

Тень вынес свой рюкзак к машине, запачканному глиной «лендроверу», мотор которого работал. Забросив рюкзак на заднее сиденье. Тень сел вперед. Затянувшись в последний раз самокруткой, превратившейся теперь в желтовато-белый окурок, Смит выбросил ее в окно со стороны водителя на дорогу.

Они выехали из поселка.

— Так как же произносится ваше имя? — спросил Смит. — Бальдр, Бальдур или как-то еще?

— Тень, — ответил Тень. — Меня называют Тень.

— Хорошо.

С минуту они ехали молча.

— Значить, Тень, говорите? — сказал Смит и повторил: — Тень. Не знаю, как много старый Гаскелл рассказал вам про предстоящую вечеринку.

— Кое-что.

— Ладно, вот что самое важное вам следует знать. Что бы там ни случилось, обо всем молчок. Ясно? Что бы вы ни увидели, это люди просто немного веселятся. Никому ни о чем ни слова, даже если вы узнаете кого-нибудь, если понимаете о чем я.

— У меня плохая память на лица, — сказал Тень.

— Вот молодчина. Мы тут только для того, чтобы гарантировать, что все отлично проведут время и никто не будет им докучать. На этот уик-энд они приедут издалека.

— Понятно, — сказал Тень.

Они подъехали к парому на мыс. Припарковав «лендровер» у обочины. Смит забрал их багаж и запер машину. На другой стороне переправы их ждал точно такой же заляпанный глиной «лендровер». Открыв дверцы, Смит забросил сумки назад и выехал на проселок.

Они свернули еще до маяка и некоторое время молча ехали по проселку, который быстро превращался в овечью тропу. Несколько раз Тени приходилось вылезать и открывать ворота. Переждав, когда «лендровер» проедет, он закрывал их и снова садился в машину.

Над полями кружили вороны, те же огромные черные птицы провожали Тень безжалостными взглядами с низких каменных стен.

— Значит, были в кутузке? — спросил вдруг Смит.

— Прошу прощения?

— В тюрьме. В каталажке. Полно слов на раз-

ные буквы, обозначающих плохую кормежку, никакой ночной жизни, неадекватные средства гигиены и ограниченные возможности перемещения.

— Ага.

— Не слишком-то вы разговорчивы, да?

— Я думал, это достоинство.

— Намек понял. Просто хотел поболтать. Тишина действует мне на нервы. Вам тут нравится?

— Наверное. Я здесь всего несколько дней.

— А у меня мурашки по коже, черт побери. Какая глушь! Я в Сибири знаю места гораздо уютнее. Уже были в Лондоне? Нет? Когда приедете на юг, я вам все покажу. Отличные пабы. Настоящая еда. И всякая туристическая ерунда, которую вы, американцы, любите. Но уличное движение — сущий ад. Здесь хотя бы можно спокойно вести машину. Никаких тебе гребаных светофоров. В начале Риджент-стрит есть один светофор, на котором, клянусь, пять минут можно простоять на красном, а зеленый зажигается секунд на десять. Две машины максимум проскакивают. Ну что за идиотизм! И нам говорят, такова цена, которую мы платим за прогресс. Ну разве так правильно?

— Наверное, — пожал плечами Тень. — Пожалуй.

Они теперь ехали по бездорожью, тряслись и подпрыгивали по поросшей кустарником ложбинке меж двух крутых склонов.

— Гости на этой вечеринке, — сказал Тень, — они на внедорожниках приедут?

— Не-а. Для них у нас вертолеты. Прибудут сегодня к обеду. Вертушкой сюда, вертушкой в понедельник утром обратно.

— Как на острове.

— Если бы! Не пришлось бы иметь дело со свихнувшимися местными. Никто не жалуется, что на соседнем острове шумят.

— А на ваших вечеринках много шумят?

— Это не моя вечеринка, приятель. Я только администратор. Слежу, чтобы все было тип-топ. Но — да. Насколько я понимаю, когда они разойдутся, то еще как шумят.

Травянистая ложбинка превратилась в овечью тропу, овечья тропа сменилась асфальтовой дорогой, которая карабкалась на склон под углом почти в сорок пять градусов. Потом внезапный поворот — и вот они уже подъезжают к дому, который Тень узнал сразу. Дженни ему его вчера показала за ленчем.

Дом был старым. Это было видно с первого взгляда. Одни части казались старше других. В

правом крыле здания одна стена была сложена из серых валунов, тяжелых и замшелых. Эта стена вдавалась в другую, сложенную из бурых кирпичей. Всю постройку и оба крыла покрывала крыша с темно-серой черепицей. Дом выходил на гравиевую дорогу и небольшое озерцо у подножия холма. Тень выбрался из «лендровера». Поглядел на дом и почувствовал себя малой букашкой. Ему казалось, будто он вернулся домой, и ощущение было не из приятных. На гравиевой площадке перед домом было припарковано еще несколько внедорожников.

— Ключи от машин висят в буфетной, на случай если вам потребуется взять одну, — сказал Смит. — Я вам покажу, когда будем проходить.

Пройдя в высокие деревянные ворота, они оказались в центральном внутреннем дворе, лишь отчасти вымощенном. В центре журчал небольшой фонтан, вокруг — пятачок неухоженной, клокастой змеящейся травы, зажатой серыми плитами.

— Вот тут будет праздник в субботу вечером, — сказал Смит. — Я покажу, где вы будете стоять.

Через неприметную дверь они прошли в меньшее крыло, миновали комнату, где по стенам висели на крючках ключи, каждый со своей

бумажной биркой, и еще одну — с пустыми полками. Прошли тусклый пыльный коридор, поднялись по лестнице. На лестнице не было ковровой дорожки, вообще ничего, кроме побелки на стенах. («Так вот, это помещения для слуг, сечете? На них денег никогда не тратят»). Было зябко, но Тень уже начинал привыкать, что внутри здания холоднее, чем снаружи. Он спросил себя, как же строители добиваются такого эффекта и не секрет ли это английской архитектуры.

Смит привел Тень на самый верх и показал ему темную комнату, в которой стояли антикварный платяной шкаф, узкая чугунная кровать (Тень с первого взгляда понял, что она ему слишком коротка) и старинный рукомойник. Небольшое оконце выходило во внутренний двор.

— Уборная в конце коридора, — сказал Смит. — Ванные комнаты для слуг этажом ниже. Их две: одна — для мужчин, одна — для женщин, никаких душевых. Количество горячей воды, боюсь, в этом крыле дома строго ограничено. Ваша форменная одежда — в платяном шкафу. Померьте ее сейчас, чтобы проверить, не жмет ли что, потом снимите до вечера, когда станут прибывать госта. Стиральных машин здесь мало, одежду надо чистить щеткой. С тем же успехом мы могли быть

на Марсе. Если я вам понадоблюсь, я в кухне. Внизу не так холодно, если «Ага» работает. Вниз по лестнице до конца и налево, потом направо. Если заблудитесь, покричите. В другое крыло не ходите, разве что вас туда пошлют.

Он оставил Тень одного.

Тень примерил черный смокинг, белую рубашку, черный галстук. На дне платяного шкафа стояли начищенные до блеска черные туфли. Все сидело отлично, будто было сшито специально на него, даже новые туфли не жали. Он убрал все назад в шкаф.

Спустившись по лестнице, он нашел Смита на площадке, где тот яростно тыкал в кнопки маленького серебристого мобильного телефона.

— Нет приема, черт побери! Эта дрянь зазвонила, а когда я теперь пытаюсь прозвониться назад, не дает сигнала. Тут у них просто каменный век, будь он неладен. Как ваш костюм? Все в порядке?

— В полном.

— Молодчина. Никогда не трать пяти слов, если можешь обойтись двумя, а? Я мертвецов знавал, которые были более разговорчивы.

— Правда?

— Не-а. Фигура речи. Пошли. Как насчет лен-

ча?

— Конечно. Спасибо.

— Ладно. Двигайте за мной. Тут у них черт ногу сломит, но вы быстро разберетесь.

Ели они в огромной пустой кухне: поглощали полупрозрачную оранжевую копченую лососину на белом хлебе с хрустящей корочкой и кусочки острого сыра с жестяных эмалированных тарелок, запивая все крепким сладким чаем из больших кружек. «Агой», как выяснил Тень, оказался большой металлический ящик, отчасти печка, отчасти нагреватель воды. Открыв одну из многочисленных дверец в боку, Смит забросил внутрь несколько больших совков угля.

— А где остальная еда? И повара и официанты? — спросил Тень. — Не может же нас быть только двое.

— Хорошо подмечено. Все привезут из Эдинбурга. Сработает как часы. Кормежка и обслуга будут здесь к трем и начнут распаковываться. Гостей привезут в шесть. Фуршет назначен на восемь. Поболтают, поедят, посмеются. Ничего, что потребовало бы больших усилий. Завтра с семи до полудня завтрак. После полудня гости будут гулять, смотреть живописные виды и все такое. Во дворе сложат костры. Потом вечером костры

зажгут, все устроят себе бурную ночку под открытым небом, будем надеяться, без вмешательства соседей. Утром в воскресенье ходим на цыпочках из уважения ко всеобщему похмелью, в воскресенье после полудня приземлятся вертолеты, и мы помашем всем ручкой. Вы заберете свой конверт с деньгами, и я отвезу вас назад в гостиницу, или, если вам тут наскучило, можете поехать со мной на юг. Как вам это нравится?

— Тип-топ, — отозвался Тень. — А кто может объявиться в субботу вечером?

— Просто брюзги. Местные, со скуки решившие испортить всем настроение.

— Какие местные? — спросил Тень. — Тут на несколько миль, кроме овец, никого.

— Местные. Они тут повсюду, — сказал Смит. — Вы их просто не видите. Прячутся, как Соуни Бин и его семейка.

— Кажется, я о нем слышал, — протянул Тень. — Имя знакомое…

— Это реальное историческое лицо. — Шумно отхлебнув чаю, Смит откинулся на спинку стула. — Дело было лет шестьсот назад. После того, как викинги свалили назад в Скандинавию или переженились и приняли христианство, пока не превратились в еще одну горстку шотландцев, но

до того, как умерла королева Елизавета, и Яков спустился с гор, чтобы править обеими странами. Где-то в этом промежутке. — Он сделал еще глоток. — Так вот. В Шотландии то и дело исчезали путники. Ничего необычного в этом не было. Я хочу сказать, в те времена если ты отправлялся в дальний путь, то не всегда возвращался домой. Иногда проходили месяцы, прежде чем все понимали, что ты уже не вернешься, а тогда винили волков или непогоду и решали путешествовать группами и только летом.

Но как-то один путник отстал от своих, большинство уехали далеко по долине, и вот когда они выехали на гребень холма, с деревьев на них попадали, повылезали, точно из-под земли, дети. Целая свора детей, вооруженных кинжалами и ножами, костяными дубинами и крепкими палками. Они набросились на путешественников, стащили их с лошадей и прикончили. Всех, кроме нашего старикашки, который отстал от остальных и потому спасся. Он был единственным, но ведь достаточно и одного, правда? Старикашка добрался до ближайшего городка и там поднял большой шум, а городские власти собрали отряд горожан, позвали солдат и вернулись в холмы с собаками.

Убежище они искали много дней и уже готовы были сдаться, когда у входа в одну пещеру на морском берегу собаки вдруг залаяли. Тогда они спустились вниз.

Оказалось, что под землей целые катакомбы, и в самой большой и глубокой пещере они нашли старого Соуни Бина и его выводок, а еще свисающие с крюков туши, закопченные или зажаренные. Ноги, руки, бедра, кисти и ступни мужчин, женщин и детей были развешены рядами, как вяленая свинина. Были еще разрубленные тела, залитые известью, на манер солонины. Груды золотых и серебряных монет, горы часов, колец, мечей, пистолей и одежды, невообразимые богатства — они ведь ни пенни не потратили. Сидели себе в своих пещерах, ели, размножались и ненавидели.

Он жил там много лет. Старый Соуни создал свое крохотное королевство, которое состояло из него самого и его жены, его детей и его внуков, а кое-кто из внуков были заодно и его детьми. Сплошь инцест в этой банде.

— Это взаправду произошло?

— Так мне говорили. Есть записи процесса. Все семейство отвезли в Лит, чтобы там судить. Суд принял любопытное решение; в силу своих

поступков Соуни не может считаться человеком. Поэтому его приговорили как зверя. Его не повесили и не отрубили ему голову. Просто разожгли костер и бросили в него Бина с женой, чтобы они сгорели дотла.

— А что сталось с его семьей?

— Не помню. Возможно, детишек сожгли, а может, и нет. Скорее всего сожгли. В здешних краях от монстров избавляются без лишних слов и раз и навсегда.

Помыв в раковине тарелки и кружки, Смит поставил их на решетку сушиться. Потом они вышли во внутренний двор, где Смит ловко свернул самокрутку. Лизнув бумажку, он пригладил ее пальцем и прикурил полученный цилиндрик от «зиппо».

— Давайте посмотрим. Что вам нужно знать на сегодня? Ну, основа проста: говорите, когда к вам обратятся… впрочем, с этим у вас, похоже, проблем не будет.

Тень промолчал.

— Ладно, поехали дальше. Если один из гостей у вас что-нибудь попросит, сделайте все возможное, чтобы это обеспечить. Если возникнут сомнения, обратитесь ко мне, но сделайте, как вас попросили, если это не отрывает вас от основных

обязанностей или не нарушает первого правила.

— А именно?

— Не. Трахать. Дамочек навеселе. Обязательно найдется какая-нибудь юная леди, которая после бутылки вина пойдет искать на свою голову приключений. А если такое случится, будете изображать «Санди пипл».

— Не понимаю, о чем вы.

— «Наш репортер с извинениями удалился». Понятно? Можно смотреть, но не трогать. Усекли?

— Усек.

— Умница.

Тень поймал себя на том, что Смит начинает ему нравиться, Он сказал себе, что проникаться симпатией к этому человеку неразумно. Ему и раньше случалось встречать таких, как Смит: людей без совести, без морали, без сердца, и они, как правило, были столь же опасными, сколь и располагающими к себе.

В три часа действительно прибыл обслуживающий персонал, доставленный вертолетом, который больше напоминал транспортно-десантный, чем прогулочный. Ящики с вином и коробки с провизией, плетеные корзины с крышками и контейнеры новоприбывшие распаковали с поразительной расторопностью. Еще были коробки,

доверху наполненные льняными салфетками и скатертями. Еще были повара и бармены, официантки и горничные.

Но первыми с вертолета сошли охранники: крупные, плотные парни с наушниками и, как Тень без сомнения определил, выпирающими из-под курток кобурами. Один за другим они отрапортовали Смиту, который отправил их инспектировать дом и окрестности.

Тень по возможности помогал: таскал из вертолета на кухню ящики с овощами. Он мог унести вдвое больше кого-либо другого. В следующий же раз, когда он проходил мимо освободившегося Смита, он остановился и спросил:

— Если у вас столько ребят в секьюрити, зачем тут я?

Смит приветливо улыбнулся:

— Послушай, сынок. Сюда приедут люди, которые стоят столько, сколько нам с вами и во сне не приснится. Им нужно твердо знать, что о них заботятся. Случаются похищения. У важных людей есть враги. Много что может произойти. Только вот эти ребята ничему такому случиться не позволят. Но заставлять их разбираться с местными ворчунами, все равно что ставить противопехотные мины в саду, лишь бы избавиться

от случайных любопытных. Ясно?

— Ясно, — отозвался Тень.

Вернувшись к вертолету, он поставил на землю коробку, помеченную МОЛОДЫЕ БАКЛАЖАНЫ и полную блестящих черных плодов, сверху водрузил ящик с капустой и понес все это на кухню, уже совершенно уверенный, что ему лгут. Ответ Смита был вполне логичным. Даже убедительным. Просто это была неправда. Ему нет никаких причин тут находиться, а если есть какая-нибудь, то совсем не та, которую ему назвали.

Он пережевывал это и обмозговывай, пытаясь сообразить, зачем его привезли в этот дом, и надеялся, что по его лицу ничего не видно. Тень привык все держать в себе. Так безопаснее.

Глава пятая

Ранним вечером, когда небо порозовело, прилетели еще вертолеты, из которых выбрались с два десятка стильно и дорого одетых людей. Некоторые улыбались и смеялись. Большинству было тридцать — сорок лет. Тень никого не узнал.

Смит небрежно, но плавно переходил от гостя к гостю, уверенно приветствуя прибывающих.

— Добрый вечер, пройдете вот сюда и повернете направо, в главном зале подождите. Там отличный огонь в камине. Кто-нибудь за вами придет и отведет вас в вашу комнату. Ваш багаж уже будет ждать там. Если нет, позвоните мне, но он там будет. Желаю здравствовать, ваша светлость, выглядите вы — загляденье. Прислать кого-нибудь поднести вам сумочку? Ждете хозяина? Как и все мы, как и все мы.

Тень завороженно смотрел, как Смит обходится с каждым гостем, как в его манере смешиваются фамильярность и уважительность, дружелюбие и особый шарм кокни: менялись интонации, тембр, даже согласные и гласные звуки произносились так или иначе — в зависимости от того, к кому он обращался.

Очень хорошенькая женщина с коротко стриженными темными волосами улыбнулась Тени, когда он вносил в дом ее сумки.

— Дамочка навеселе, — пробормотал, проходя мимо, Смит. — Руки прочь.

Последним появился дородный мужчина, которому, на взгляд Тени, было едва за шестьдесят. Опираясь на дешевую деревянную трость, он подошел к Смиту и что-то сказал ему вполголоса. Смит ответил в той же манере.

«Тут всем заправляет он», — подумал Тень. Это чувствовалось в осанке, в жестах. Смит уже больше не улыбался, больше не улещивал. Он докладывал: тихо и деловито сообщал старику все, что ему следует знать.

Смит поманил пальцем Тень, который тут же подошел к говорящим.

— Тень, — сказал Смит. — Это мистер Элис.

Мистер Элис пожал темную смуглую руку Тени своей пухлой и розовой.

— Приятно познакомиться, — сказал Тень.

— Ну, — снизошел мистер Элис, — продолжайте.

Смит кивнул Тени, мол, он может идти.

— Если вы не против, — сказал ему Тень, — мне бы хотелось оглядеться, пока еще не совсем стем-

нело. Прикинуть, откуда могут прийти местные.

— Слишком далеко не уходите, — сказал Смит, поднял чемоданчик мистера Элиса и повел его в дом.

Тень обошел дом по периметру. Его подставляют. Он не знал зачем или почему, но был твердо уверен, что сделал правильный вывод. Слишком многое не сходится. Зачем нанимать в охранники бродягу, если привозишь собственных профессиональных телохранителей? В этом смысла не больше, чем в том, что Смит представил его мистеру Элису — и это после того, как два десятка гостей обращались с Тенью скорее как с декоративным украшением, чем как с человеком.

Перед домом тянулась низкая каменная стена. За домом поднимался холм размером с небольшую гору — он полого спускался к озеру. Чуть в стороне шла дорога, по которой его привезли сегодня утром. Пройдя к дальнему углу строения, Тень нашел садик пряных трав, окруженный высокой стеной, за которой расстилалась пустошь. Спустившись в садик, он подошел внимательнее осмотреть сцену.

— Рекогносцировка? — спросил один из охранников в черном смокинге.

Тень не заметил, как он подошел, а значит, надо

думать, он в своем деле дока. Как и большинство обслуживающего персонала, телохранитель говорил с шотландским акцентом.

— Просто осматриваюсь.

— Хотите местность изучить? Очень мудро. За эту сторону дома не беспокойтесь. В сотне ярдов отсюда есть речушка, впадающая в лох, а за ней — обрыв, пара сотен футов мокрых камней. Ногу некуда поставить.

— Вот как. А местные, те, кто может сорвать праздник, откуда они приходят?

— Мне-то откуда знать?

— Я, пожалуй, схожу вон туда, взгляну, как там и что, — сказал Тень. — Посмотрю, не пойму ли, каковы подходы.

— Я бы этого не делал, — сказал телохранитель. — На вашем месте бы не делал. Камни действительно опасны. Заглядитесь на что-нибудь — достаточно поскользнуться: полетите с камнями прямо в лох. Если пойдете туда, даже тела вашего, возможно, не найдут.

— Понимаю, — сказал Тень, который действительно понял.

Он пошел дальше в обход дома. Теперь, когда он их выискивал, он по пути заметил еще пятерых телохранителей и был уверен, что есть те,

которых он пропустил.

Через французские окна в главном крыле дома он увидел огромную, обшитую деревянными панелями столовую, где за накрытым столом болтали и смеялись гости.

Тень вернулся в крыло для слуг. После каждой перемены блюд тарелки составляли на буфет, и обслуга угощалась вовсю, наваливая себе деликатесы. Сидя за деревянным кухонным столом, Смит уминал бифштекс с кровью, заедая его крабовым салатом.

— Вон там икра, — сказал он Тени. — «Золотой Осетр», высшего качества. В старые времена распорядители приберегали такое для себя. Впрочем, я не любитель этого лакомства, так что угощайтесь.

Тень из вежливости положил на край тарелки немного икры. Потом прибавил к ней крохотные яйца-пашот, несколько ложек пасты, немного куриного филе под сладким соусом. Сев рядом со Смитом, он принялся за еду.

— Не понимаю, откуда могут приходить местные, — сказал он. — Ваши люди блокировали подъезд. Любому, кто захочет сюда добраться, придется переплыть озеро.

— Значит, полазили вокруг?

— Да.

— Встретили кого-нибудь из моих ребят?

— Да.

— И что скажете?

— Мне бы не хотелось с ними связываться.

Смит ухмыльнулся;

— Такому здоровяку, как вы? Вы сумеете за себя постоять.

— Они убийцы, — просто ответил Тень.

— Только когда требуется, — отозвался Смит, вдруг перестав улыбаться. — Почему бы вам не подняться к себе наверх? Когда вы мне понадобитесь, я вам покричу.

— Конечно, — сказал Тень. — А если я вам не понадоблюсь, это будет очень тихий уик-энд.

Смит посмотрел на него в упор:

— Вы свои деньги отработаете.

По черной лестнице Тень поднялся в длинный коридор на самом верху и толкнул дверь в свою комнату. Снизу доносился шум вечеринки, он выглянул в небольшое оконце. Французские окна в главном крыле были распахнуты, и гости в перчатках и шубах, с бокалами вина в руках высыпали во внутренний двор. До него долетали обрывки перескакивающих с предмета на предмет разговоров — звуки слышались отчетливо, но

слова и их смысл терялись. Временами из общего шелеста вырывалась отдельная фраза.

— А я ему говорю, таких судей, как вы, я не покупаю, а продаю…

Тень услышал женский голос:

— Это монстр, милочка. Совершеннейший монстр. Но что тут поделаешь?

А другая женщина говорила:

— Если бы я то же могла сказать о моем друге!

На это последовал взрыв смеха.

У него было два варианта. Он может остаться или попытаться уйти.

— Я остаюсь, — сказал он вслух.

Глава шестая

Это была ночь опасных снов.

В своем первом сне Тень снова был в Америке, стоял под уличным фонарем. Поднявшись на несколько ступенек, он толкнул стеклянную дверь и вошел в закусочную, похожую на вагон-ресторан в каком-нибудь поезде. Он слышал, как поет старик — поет низким скрипучим голосом на мотив «Мой милый за океаном»:

Мой дед продает резинки матросам.

Проткнет булавкой – а сам ни при чем.

А бабка – та вытравит плод без вопросов...

Боже, деньжонки текут ручьем!»

Тень прошел вдоль вагона-ресторана. За столиком в конце сидел седой старик с бутылкой пива в руке и распевал: «Боже, деньжонки текут ручьем!» Когда он завидел Тень, его лицо расплылось в широкой обезьяньей улыбке.

— Садись, садись, — ткнул он бутылкой в сиденье напротив.

Тень сел напротив старика, которого знал под

именем Среда.

— Ну и в чем беда? — спросил Среда, вот уже два года как мертвый или, во всяком случае, настолько мертвый, насколько бывают подобные ему существа. — Я бы предложил тебе пива, но обслуживание здесь ни к черту.

Тень сказал, что все в порядке. Он не хочет пива.

— Ну? — Среда поскреб в бороде.

— Я в старинном доме в Шотландии с кучей чертовски богатых людей, и они что-то затевают. Мне грозит беда, но я не знаю, в чем она заключается. Но, думаю, дело серьезное.

Среда отхлебнул из бутылки.

— Богатенькие не такие, как мы, мой мальчик, — помолчав, возвестил он.

— И что же это значит?

— Ну, для начала большинство из них скорее всего смертные. Тут тебе волноваться не о чем.

— Не морочь мне этим голову.

— Но ты-то не смертен, — продолжал Среда. — Ты, Тень, умер на дереве. Ты умер и вернулся.

— И что с того? Я даже не помню, как мне это удалось. Если меня убьют на сей раз, я так и останусь мертвым.

Среда прикончил свое пиво. Потом помахал бу-

тылкой, будто управлял невидимым оркестром, и пропел следующий куплет:

Мой братец-монашек спасает шлюшек.

Содержит Святой Магдалины приют.

За грош он вам сдаст блудницу из лучших –

Боже, деньжонки так и текут!

— Помощи от тебя никакой, — сказал Тень. Вагон ресторан превратился вдруг в обычный купейный, грохочущий через снежную ночь.

Поставив пустую бутылку на стол. Среда пригвоздил Тень взглядом своего настоящего, не стеклянного глаза.

— Все дело в повторяемости, в ритуале, — сказал он. — Если они считают тебя героем, то ошибаются. Когда ты умрешь, Беовульфом, Персеем или Рамой тебе уже не стать. Правила совершенно другие. Шахматы, а не шашки. Го, а не шахматы. Понимаешь?

— Ни черта, — разочарованно ответил Тень.

Люди в коридоре большого дома пьяно шумят, шикают друг на друга, пока спотыкаясь и хихикая, нащупывают дорогу в потемках.

Тень спросил себя, слуги ли это или забредшие сюда в поисках приключений гости. Но сны завладели им снова…

Он вновь стоял в обветшавшем домишке, где позавчера укрывался от дождя. На полу — тело мальчика не старше пяти лет. Голое, лежит навзничь, руки-ноги раскинуты. Вспышка ослепительного света. Кто-то прошел мимо Тени, будто его и вовсе тут не было, и переложил руки мальчика. Снова вспышка.

Тень догадался, что мужчина делает фотографии. Это был доктор Гаскелл, серый человечек из бара при гостинице.

Достав из кармана белый бумажный пакет, Гаскелл выловил из него что-то и положил себе в рот.

— Леденцовая смесь, — сказал он ребенку на каменном полу. — Ням-ням. Твои любимые.

Улыбнувшись, он присел на корточки и сделал еще один снимок мертвого мальчика.

Тень протиснулся через каменную стену домика, ветром просочился в щели между камнями. Он полетел к берегу. На камнях разбивались волны, и Тень заскользил над водой, над серыми морями, вверх-вниз по волнам к кораблю из ногтей мертвецов.

Корабль был далеко в открытом море, а Тень несся над водой, будто тень тучи.

Корабль был огромным. Как это он раньше не понял, какая перед ним громадина? Протянулась могучая лапища, схватила его руку и вытащила из моря на палубу.

— Верни нас домой, — сказал гулкий, как прибой, голос, настойчивый и яростный. — Верни нас домой или дай нам уйти. — С заросшего бородой лица на него смотрел единственный свирепый глаз.

— Я вас тут не держу.

На палубе корабля стояли великаны, высоченные мужчины, сотканные из теней и замерзшей водяной пыли, порождения пены и снов.

Один, ростом выше других, рыжебородый, сделал шаг вперед.

— Мы не можем пристать к берегу, — прогрохотал он. — Мы не можем уплыть.

— Отправляйтесь домой, — сказал Тень.

— С нашим народом мы приплыли в эти южные земли, — сказал одноглазый. — Но он нас оставил. Они захотели себе других, более тихих, ручных богов, и в сердцах своих от нас отказались.

— Отправляйтесь домой, — повторил Тень.

— Слишком много воды утекло, — сказал рыже-

бородый. Тень узнал его по молоту. — Слишком много крови пролито. Ты нашей крови, Бальдр. Освободи нас.

Тень хотел ему сказать, что он не их, что он вообще ничей, но тонкое одеяло соскользнуло с кровати, его ноги торчали за ее край, а чердачную комнату залил лунный свет.

В большом доме теперь царила тишина. Среди холмов кто-то взвыл, Тень поежился.

Он лежал на слишком короткой для него кровати и воображал себе время, которое собирается озерцами и лужицами, спрашивая себя, нет ли такого места, где время висит, как густой туман, где оно громоздится и удерживается… Города, думал он, наверное, полны временем: все места, где собираются люди, куда они приходят и приносят с собой свое время.

Но будь оно так, размышлял Тень, то должны быть и другие края, где люди редки, где земля ждет, горькая, как гранит, а тысяча лет для холмов — что мгновение ока, бег облаков, колыхание волн и ничего больше. В тех местах, где время редко, как сито, как люди…

— Они тебя убьют, — прошептала барменша Дженни. Тень теперь сидел подле нее на склоне холма в лунном свете.

— Зачем им меня убивать? — спросил он. — Я же никто.

— Они всегда так поступают с монстрами, — объяснила она. — Они должны так делать. Они всегда это делали.

Он протянул руку, чтобы коснуться ее щеки, но она отвернулась. Сзади Дженни была пустой и полой. Она опять повернулась к нему лицом.

— Уходи оттуда, — прошептала она.

— Ты можешь ко мне прийти, — возразил он.

— Не могу, — сказала она. — На моем пути препятствия. Путь туда труден, и его охраняют. Но ты можешь позвать. Если ты позовешь, я приду.

Тут наступил рассвет, а вместе с ним из болота у подножия холма выбрался рой карликов. Дженни махнула на них хвостом, но без толку. Они накинулись на Тень, как пчелиный рой, пока он не начал вдыхать карликов, пока его нос и рот не заполнились крошечными ползучими, жалящими существами, и он не начал задыхаться в темноте…

Он рывком втянул себя в кровать, в свое тело и свою жизнь, в мир бодрствующих. Сердце колотилось у него в груди, он хватал ртом воздух.

Глава седьмая

На завтрак были копченая сельдь, помидоры с гриля, яичница, тосты, коротенькие и толстые сардельки и куски чего-то круглого, темного и плоского, чего Тень не опознал.

— Что это? — спросил он.

— Кровяная колбаса, — отозвался сидящий рядом с ним мужчина. Это был один из охранников, который за едой читал вчерашнюю «Сан». — Из крови и пряных трав. — Наложив вилкой на тост яичницу, он откусил кусок. — Не знаю. Так мне, во всяком случае, сказали. Говорят, никогда нельзя смотреть, как готовят колбасу и пишут законы? Что-то в таком духе.

Тень съел все, но кровяную колбасу оставил на тарелке.

На столе стоял кофейник с настоящим, заваренным кофе, и он выпил большую кружку горячего напитка без молока и сахара, надеясь, что это поможет ему проснуться и прочистит мозги.

Вошел Смит.

— А вот и наша тень, — пошутил он. — Можно вас на пять минут?

— Вы же платите, — сказал Тень.

Они вышли в коридор.

— Это мистер Элис, — объяснил Смит. — Хочет вас на два слова.

Оставив позади известковую побелку крыла для слуг, они вышли в обшитые мореным дубом залы старого дома. По гигантской деревянной лестнице поднялись в просторную библиотеку. Там никого не было.

— Он будет через минуту — пообещал Смит. — Пойду скажу ему, что вы ждете.

Книги в библиотеке были укрыты от мышей, пыли и людей за запертыми стеклянными дверями с проволочной сеткой. На стене висела картина с изображением оленя, и Тень подошел, чтобы рассмотреть его поближе. Олень смотрел надменно и гордо, будто чувствовал свое превосходство, в долине у него за спиной клубился туман.

— «Повелитель долины», — сказал мистер Элис, который вошел медленно, опираясь на трость. — Наиболее часто копируемая картина викторианских времен. Это не оригинал, но все равно работа Лэндсира, он написал ее в конце восьмидесятых, воспроизвел собственную картину. Я к ней очень привязан, хотя знаю, что не следует. Это тот самый Лэндсир, который изгото-

вил львов для Трафальгарской площади.

Он подошел к эркеру. Тень сделал несколько шагов следом. Во внутреннем дворе внизу слуги расставляли столы и стулья. У пруда в середине еще несколько человек — гости, насколько мог видеть Тень, — складывали бревна и сучья для костров.

— Почему они не пошлют сложить костры слуг? — спросил Тень.

— А почему слуги должны получать удовольствие? — вопросом на вопрос ответил мистер Элис. — Это все равно что отправить слугу после обеда пострелять фазанов. Когда сам притаскиваешь сучья и складываешь их на нужное место в определенном порядке, в костре есть нечто особенное. Так, во всяком случае, мне говорили. Сам я такого не делал. — Он отвернулся от окна. — Садитесь. У меня шея затекает на вас смотреть.

Тень сел.

— Я много о вас слышал, — продолжал мистер Элис. — Уже давно хотел с вами познакомиться. Говорят, вы смышленый молодой человек, да еще с большим будущим. Вот что про вас говорят.

— Значит, вы не просто туриста наняли, чтобы он не подпускал к вашей вечеринке соседей?

— И да, и нет. У нас, сами понимаете, было

несколько других кандидатов. Просто вы нам больше всего подходите. А когда я догадался, кто вы… Ну, вы просто дар богов, так ведь?

— Не знаю. Действительно дар?

— Несомненно. Понимаете, эти вечеринки устраивают уже очень давно. Почти тысячу лет без перерыва. Ни одного года не пропустили. И каждый год устраивается поединок между их человеком и нашим человеком. И наш человек побеждает. В этом году наш человек — вы.

— Кто… — начал Тень. — Кто такие «они»? И кто такие «вы»?

— Я ваш хозяин, — сказал мистер Элис. — Полагаю… — На мгновение замолчав, он постучал тростью в деревянный пол. — «Они» — те, кто проиграл, впрочем, это было давным-давно. Но мы победили. Мы были рыцарями, а они — драконами, мы — убийцами великанов, а они — ограми. Мы были людьми, а они монстрами. И мы победили! Теперь они знают свое место. Сегодняшний бой — для того, чтобы не дать им забыть. Сегодня вечером вы будете сражаться за человечество. Нельзя дать им одержать верх. Даже в малости. Мы против них.

— Доктор Гаскелл назвал меня монстром, — сказал Тень.

— Доктор Гаскелл? — переспросил мистер Элис. — Это ваш друг?

— Нет, — ответил Тень. — Он работает на вас. Или на людей, которые работают на вас. Кажется, он убивает детей и делает фотографии трупов.

Мистер Элис уронил свою трость и неловко за ней наклонился.

— Я вас, Тень, монстром не считаю, — сказал он наконец. — Я считаю вас героем.

«Нет, — подумал Тень. — Вы считаете меня монстром. Но вы думаете, что я ваш монстр».

— Так вот, — продолжал мистер Элис, — сегодня вечером вы себя покажете и, уверен, хорошо покажете, а тогда можете назвать свою цену. Вы никогда не задумывались, почему некоторые люди становятся кинозвездами, знаменитостями или миллиардерами? Готов поспорить, что задумывались. «У него же нет таланта? Что такого есть у него, чего нет у меня?» Что ж, иногда ответ очень прост: на его стороне такой человек, как я.

— Вы бог? — спросил Тень.

Тут мистер Элис раскатисто, от души рассмеялся:

— Отличная шутка, мистер Лун. Вовсе нет. Я просто малый из Стритхэма, который пробил себе дорогу в жизни.

— И с кем же я буду бороться? — поинтересовался Тень.

— Сегодня вечером вы с ним встретитесь, — сказал мистер Элис. — А пока нужно кое-что достать с чердака. Почему бы вам не пособить нашему Смити? Для такого здоровяка, как вы, — раз плюнуть.

Аудиенция закончилась, и, словно по сигналу, вошел Смит.

— Я как раз говорил, — сказал мистер Элис, — что наш друг поможет тебе спустить кое-что с чердака.

— Отлично, — отозвался Смит. — Пошли, Тень. Проложим себе путь наверх.

И они пошли наверх: по темной неосвещенной деревянной лестнице, к запертой на висячий замок двери, которую Смит открыл. Пыльный деревянный чердак был доверху заставлен чем-то, напоминающим…

— Барабаны? — удивился Тень.

— Барабаны, — подтвердил Смит. Они были изготовлены из дерева и звериных шкур. И все разного размера. — Ладно. Давай стащим их вниз.

И они потащили. Смит сносил по одному за раз, держа барабан так, словно он был большой

ценностью. Тень носил по два.

— А что, собственно, сегодня произойдет? — спросил Тень на их третий, а может, четвертый заход.

— Ну, — протянул Смит. Они поставили барабаны у подножия лестницы в большом зале. У очага негромко беседовали несколько человек. Когда они вернулись на лестницу и были уже вне пределов слышимости гостей, Смит сказал: — Мистер Элис под вечер нас оставит. А я еще немного тут покручусь, но потом тоже уеду.

— Мистер Элис уезжает? Разве он не примет участия в вечеринке?

Вид у Смита сделался оскорбленный.

— Он же хозяин. Но. — Тут он остановился. Тень все понял: такие, как Смит, своих нанимателей не обсуждают. Они снесли вниз остальные барабаны, а после вернулись за тяжелыми кожаными мешками.

— Что в них? — спросил Тень.

— Палочки, — ответил Смит и, помолчав, добавил: — Они — древних родов. Я про тех, что внизу. Очень старые деньги. Они знают, кто босс, но это еще не делает его одним из них, Понимаете? Они — единственные, кто будет присутствовать на сегодняшнем празднике. Мистера Элиса они бы

там видеть не хотели. Понимаете?

Тень действительно понял и пожалел, что Смит вообще согласился говорить про мистера Элиса. Он почему-то сомневался, что Смит хоть словом обмолвился бы тому, кто, на его взгляд, проживет достаточно долго, чтобы это слово повторить.

Но сказал Тень только:

— Тяжелые у вас барабанные палочки.

Глава восьмая

С наступлением сумерек черный частный вертолетик унес мистера Элиса. «Лендроверы» увезли обслуживающий персонал. На последнем уехал Смит. В большом доме остались только Тень и гости с их дорогими стильными нарядами, с их улыбками. Они разглядывали Тень, как пойманного льва, которого привезли для их увеселения, но с ним разговаривали. Темноволосая женщина, которая по приезде улыбнулась Тени, принесла ему поесть: стейк, едва прожаренный. Она принесла ему тарелку, но никаких приборов, точно считала, что есть он будет руками и зубами, а поскольку он был голоден, то так и сделал.

— Я не ваш герой, — сказал он им, но они отказывались встречаться с ним взглядом. Никто с ним не разговаривал, во всяком случае, напрямую. Он чувствовал себя зверем.

А потом сумерки сгустились. Тень вывели во внутренний двор к пыльному фонтану, под дулом пистолета сняли с него одежду, и женщины намазали его тело густым желтым жиром, который втерли.

На траву перед ним положили нож. Движение

пистолетом — и Тень поднял оружие. Рукоять была из какого-то темного металла, шероховатая и удобная в руке. Клинок выглядел острым.

Потом они распахнули двойные двери из внутреннего двора в большой дом, и двое мужчин зажгли высокие костры. Затанцевало и затрещало пламя.

Остальные открыли кожаные мешки, и каждый из гостей взял по резной черной палочке, больше похожей на тяжелую узловатую дубинку. Тени невольно вспомнились дети Соуни Бина, вылезающие из-под земли с дубинами из берцовых костей.

Расположившись вдоль края внутреннего двора, гости принялись ударять палочками в барабаны. Начали они медленно и тихо, двор сотрясла низкая, пульсирующая вибрация, похожая на биение сердце. Потом они стали выбивать и выстукивать странный ритм, стаккато, которое колебалось и кружило, все громче и громче, пока не заполнило разум и мир Тени. Ему казалось, что само пламя вспыхивает мигает в такт барабанам.

А затем за стенами дома поднялся вой.

В этом вое было страдание, и, перекрывая барабанный бой, он пронесся над холмами, — вопль

боли, утраты и ненависти.

Фигура, которая, спотыкаясь, прошла через ворота во двор, сжимала себе голову, закрывая уши руками, словно чтобы остановить оглушительные звуки. Вот она вышла на свет костров.

Она была огромной, много выше Тени, и нагой. На ней не было ни волоска, и с нее капала вода.

Опустив руки, существо оглянулось по сторонам, его лицо исказила безумная гримаса.

— Прекратите! — возопило оно. — Прекратите шуметь.

А люди в стильной загородной одежде все выбивали и выбивали ритм, все быстрее, все сильнее, так что шум затопил Тени голову и грудь.

Монстр вышел на середину двора и глянул на Тень.

— Ты, — сказало существо. — Я же тебя просил. Я же говорил тебе про шум. — И оно завыло — низким горловым воем вызова и ненависти.

Существо подобралось ближе к Тени, потом увидело нож и замерло.

— Сражайся! — крикнуло оно. — Сразись честно! Не хладным железом! Сразись со мной!

— Я не хочу с тобой сражаться, — отозвался Тень и, уронив в траву нож, медленно поднял пустые руки.

— Слишком поздно, — сказало лысое существо, которое не было молодым человеком. — Для этого уже слишком поздно.

И бросилось на Тень.

Впоследствии, думая про тот поединок. Тень вспоминал его лишь отрывками. Помнил, как рухнул наземь и как перекатился. Помнил глухой барабанный бой и выражение на лицах барабанщиков, голодными глазами следивших за двумя фигурами в огненном свете.

Они сжимали, дубасили и молотили друг друга. По лицу ломавшего Тень монстра бежали соленые слезы. Тени подумалось, что он и его противник стоят друг друга. Монстр ударил Тень локтем в лицо, и Тень почувствовал на языке вкус крови. А еще ощутил, как в нем самом поднимается гнев — алая волна ненависти. Выбросив вперед ногу, он поддел монстра под колено, и, когда монстр отшатнулся, кулак Тени ударил ему в живот, отчего он вскрикнул и взревел с болью и гневом.

Взгляд на гостей: на лицах барабанщиков Тень увидел жажду крови.

Поднялся ветер, холодный ветер, морской ветер, и Тени показалось, что в небе над ним зависли великанские тени, огромные фигуры,

которые он видел на корабле из ногтей мертвецов, и сейчас они смотрели на него с высоты, будто именно этот поединок и удерживал их на корабле, не давая высадиться на берег, не давая уплыть.

Этот бой — древний, подумал Тень, древнее, чем кажется мистеру Элису, и продолжал думать об этом, даже когда когти твари располосовали ему спину. Это бой человека с монстром, старый, как само время: это Тезей сражается с Минотавром, это Беовульф силится одолеть Гренделя, это тот герой, что извечно стоит между светом и тьмой и устало стирает со своего меча кровь чего-то нечеловеческого.

Горели костры, пульсировали и гремели барабаны, точно биение тысяч сердец,

Когда монстр напал снова, Тень поскользнулся на мокрой траве и упал навзничь. Пальцы твари охватили его шею и начали сжимать: Тень почувствовал, как все тускнеет, становится все более далеким. Сомкнув пальцы на кустике травы, он глубже вонзил их в землю, потянул, захватывая пригоршню травы и липкой земли, и с силой вдавил холодную грязь в лицо монстра, на мгновение его ослепив. Он перекатился. Теперь уже он сидел верхом на монстре. С силой ударил его

коленом в пах, и монстр свернулся клубком, завыл и заплакал.

Осознав, что барабанный бой прекратился. Тень поднял глаза.

Гости отложили барабанные палочки.

Они приближались к нему, сжимая круг. Теперь мужчины и женщины поднимали свои палочки, как дубины. Но смотрели они не на Тень: они не отрывали глаз от монстра на земле и, занеся свои резные орудия, надвинулись на него в свете костров.

— Хватит! — вырвалось у Тени.

Первый удар резной барабанной палочкой пришелся по голове существа. Монстр взвыл и извернулся, поднимая руку, чтобы отвести следующий удар.

Тень бросился вперед, заслоняя его своим телом. Темноволосая женщина, когда-то ему улыбавшаяся, теперь бесстрастно обрушила палочку-дубину ему на плечо. Еще одна дубина, на сей раз в руках старика, ударила его по ноге, отчего онемела голень. Третий удар пришелся ему в бок.

«Они убьют нас обоих, — подумал Тень. — Сначала его, потом меня. Вот, что они сделают. Вот что они всегда делают. — А потом ему в голову

пришла новая мысль: — Она сказала, что придет. Если я ее позову».

— Дженни? — прошептал он.

Ответа не было. Все происходило так медленно. Опускалась еще одна дубина, на сей раз целясь ему в кисть. Тень неловко выкатился из-под удара, успел увидеть, как тяжелая дубина ударяет в траву.

— Дженни, — сказал он, стараясь как можно отчетливее представить себе ее слишком светлые волосы, ее худое лицо, ее улыбку. — Я призываю тебя. Приди. Прошу.

Порыв холодного ветра.

Темноволосая женщина высоко занесла дубинку и быстро, с силой обрушила ее, метя Тени в лицо.

Удар не достиг цели. Хрупкая ручка перехватила дубину, точно веточку.

Светлые волосы развевались вокруг ее головы на холодном ветру. Тень не мог бы сказать, во что она одета.

Дженни поглядела на него. И Тени показалось, что в ее глазах он прочел разочарование.

Один мужчина изготовился ударить ее по затылку. И снова дубина ее не коснулась. Она повернулась…

Скрежещущий звук, будто нечто себя разрывает.

А потом взорвались костры. Вот на что это походило. Пылающие поленья и сучья разлетелись по всему двору, их занесло даже в дом. И люди кричали на суровом ветру.

Тень нетвердо поднялся на ноги.

Окровавленный и скрюченный монстр лежал на земле. Тень не знал, жив он или нет. Подхватив тело, он взвалил его себе на плечо и, спотыкаясь, побрел со двора.

Едва переставляя ноги, он вышел на посыпанную гравием стоянку, и тут же у него за спиной захлопнулись тяжелые деревянные ворота. Никто больше не выйдет. Тень стал спускаться по склону — шаг за шагом — к узкому шотландскому озерцу, лоху.

Дойдя до кромки воды, он остановился и, рухнув на колени, насколько мог мягко опустил лысого человека на траву.

Услышав за спиной грохот, он оглянулся на вершину холма.

Дом горел.

— Как он? — спросил женский голос.

Тень повернулся. Она стояла по колено в воде. Мать монстра шла к берегу.

— Не знаю, — честно ответил Тень. — Он ранен.

— Вы оба ранены, — сказала она. — Вы сами весь в крови и синяках.

— Да, — согласился Тень.

— И все же он не мертв. Неплохо для разнообразия.

Выйдя на берег, она села, положив себе на колени голову сына. Достав из сумочки пачку носовых платков, вытащила один, плюнула на него и начала яростно скрести лицо сына, стирая кровь.

Пламя над домом на холме теперь уже ревело. Тень даже не представлял себе, что от горящего здания может быть столько шума.

Старая дама подняла глаза к небу. Издала горловой, похожий на смешок звук, потом покачала головой.

— Знаете, — сказала она, — а ведь вы их впустили. Они так долго были заперты за гранью этого мира, а вы их впустили.

— Это хорошо? — спросил Тень.

— Не знаю, голубчик, — сказала старая дама и снова покачала головой. Она тихонько напевала сыну, словно он был еще маленьким мальчиком, и, послюнив носовой платок, промокала ему раны.

Тень стоял голый у кромки воды, но жар от горящего здания обдавал спину теплом. Он смотрел, как пламя отражается в стеклянной поверхности лоха.

Всходила желтая луна.

Синяки и раны начинали болеть. Завтра боль будет еще сильнее.

За спиной — шаги по траве. Он поднял глаза.

— Привет, Смити, — сказал Тень.

Смит поглядел на троих у воды.

— Тень, — сказал он, покачав головой. — Тень. Тень, Тень, Тень, Тень. Исход должен был быть совсем иным.

— Извините, — отозвался Тень.

— Это доставит столько хлопот мистеру Элису, — сказал Смит. — Те люди были его гости.

— Это были звери, — возразил Тень.

— Может, и так, — сказал Смит, — но это были богатые и влиятельные звери. А теперь придется позаботиться о вдовах и сиротах и еще бог знает о чем. Мистер Элис будет недоволен. — Он произнес это как судья, выносящий приговор.

— Вы ему угрожаете? — поинтересовалась старая дама.

— Я не угрожаю, — бесстрастно ответил Смит.

Она улыбнулась;

— А вот я угрожаю. Если вы или жирный сукин сын, на которого вы работаете, причините хотя бы какой-то малейший вред этому молодому человеку, вам же будет хуже. — Тут она улыбнулась, показав острые зубы, и Тень почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом. — Есть вещи пострашнее смерти, — сказала она. — И мне известны почти все. Я немолода и слов даром не теряю. Поэтому на вашем месте, — усмехнулась она, — хорошенько бы присматривала за этим мальчиком.

Одной рукой, точно тряпичную куклу она подхватила тело сына, другой крепче прижала к боку сумочку. Потом кивнула Тени и ушла в темно-стеклянную воду. Вскоре она и ее сын уже скрылись под поверхностью озерца.

— Вот черт, — пробормотал Смит.

Тень не сказал ничего.

Смит порылся по карманам. Отыскав кисет с табаком, он свернул себе самокрутку. Прикурил.

— Вот так-то, — сказал он.

— Вот так-то? — переспросил Тень.

— Надо вас, пожалуй, помыть и найти вам какую-нибудь одежду. Иначе до смерти простудитесь. Вы же слышали, что она сказала.

Глава девятая

В тот же вечер в гостинице Тень уже ждал лучший номер. Меньше чем через час после возвращения Тени Гордон-портье принес ему новый рюкзак, коробку с новой одеждой, даже новые ботинки. Вопросов он никаких не задал.

Поверх одежды лежал пухлый конверт.

Тень его разорвал. В конверте оказались его паспорт (слегка обгоревший), его бумажник и деньги: несколько перетянутых красными резинками пачек новых пятидесятифунтовых банкнот.

«Деньжонки текут ручьем!» — без удовольствия подумал Тень и попытался — без особого успеха — вспомнить, где слышал эту песню.

Он долго лежал в ванне, отмачивая синяки.

Потом спал.

Утром он оделся и по ведущей от порога гостиницы дороге поднялся на холм. Он был уверен, что на вершине есть каменный дом с лавандой в саду полосатая обеденная стойка из сосны и пурпурный диван, но сколько он ни искал, никакого жилья на холме не было, даже признаков того, что здесь хоть когда-то было что-то, помимо

травы и тернового куста.

Он позвал ее по имени, но никто ему не ответил, только налетел с моря ветер и принес с собой первое обещание зимы.

И все же, когда он вернулся к себе в номер, она ждала его. В своем коричневом пальто она сидела на кровати, пристально рассматривая ногти. Когда он отпер дверь и вошел, она не подняла головы.

— Привет, Дженни, — сказал он.

— Привет, — отозвалась она. Ее голос прозвучал очень тихо.

— Спасибо, — сказал Тень. — Ты спасла мне жизнь.

— Ты позвал, — тускло ответила она. — Я пришла.

— Что-то не так?

Тут она на него поглядела.

— Я могла бы быть твоей. — В глазах у нее стояли слезы. — Я думала, что ты полюбишь меня. Может быть. Когда-нибудь.

— Что ж. Быть может, мы могли бы узнать. Завтра мы могли бы пойти вместе вдоль берега. Только, боюсь, недалеко. Физически я не в лучшей форме.

Она покачала головой.

Самое странное, подумалось Тени, что она уже больше не походила на человека: она выглядела как то, чем и являлась — как дикое существо, создание леса. На кровати, под ее пальто, дернулся и затих хвост. Она была очень красива, и он поймал себя на том, что очень, очень ее хочет.

— Беда хульдр, — сказала Дженни, — пусть даже забравшейся далеко-далеко от своего дома, в том, что если не хочешь быть одинокой, то должна любить мужчину.

— Так люби меня. Останься со мной, — сказал Тень и добавил: — Пожалуйста.

— Но ведь ты, — с печальной окончательностью возразила она, — не человек.

Она встала.

— Однако, — сказала она, — все меняется. Теперь я, возможно, смогу вернуться домой. Проведя здесь тысячу лет, я даже не знаю, помню ли я норвежский язык.

Взяв его большую руку в маленькие свои, способные гнуть стальные прутья, способные раздавить в песок камни, она нежно сжала его пальцы. А после ушла.

Тень остался в гостинице еще на день, а потом сел на автобус до Турсо, а оттуда на поезд до Ивернесса.

В поезде он заснул, но ему ничего не приснилось.

Когда он проснулся, на банкетке рядом с ним сидел мужчина. Мужчина с лицом жестким, как лезвие топора, читал книгу в бумажной обложке. Увидев, что Тень проснулся, он ее закрыл. Тень глянул на обложку: «Трудность бытия» Жана Кокто.

— Хорошая книга? — спросил Тень.

— Ничего, нормальная, — ответил Смит. — Тут сплошь эссе. Предполагается, что они очень личные, но создается такое впечатление, что всякий раз, когда он невинно поднимает глаза и говорит: «Это все я», перед тобой какой-то двойной блеф. Но «Belle et la Bete»[9] мне понравился. Когда я его смотрел, мне казалось, я к нему ближе, чем когда читаю его откровения,

— Тут все на обложке, — сказал Тень.

— Вы о чем?

— Трудность быть Жаном Кокто.

Смит почесал нос.

— Вот, прочтите. — Он протянул Тени газету «Скотсмен»[10]. — На девятой странице.

---

[9] Примечания: 9
«Красавица и чудовище»

[10] Примечания: 10
«Шотландец»

Внизу девятой страницы была небольшая заметка: отошедший от дел врач покончил жизнь самоубийством, Тело Гаскелла нашли в его машине, припаркованной на стоянке для пикников у прибрежного шоссе. Он проглотил тот еще коктейль из обезболивающих, залив его почти полной бутылкой «Лагавулина».

— Мистер Элис не переносит, когда ему лгут, — сказал Смит. — Особенно наемные работники.

— Про пожар там что-нибудь есть? — спросил Тень.

— Какой пожар?

— И то верно.

— Но я нисколько бы не удивился, узнав, что в ближайшие несколько месяцев сильных мира сего станут вдруг преследовать всякие несчастья. Автокатастрофы. Аварии поездов. Может быть, даже самолет упадет. Убитые горем вдовы, сироты и возлюбленные. Очень грустно.

Тень кивнул.

— Знаете, — продолжал Смит, — мистер Элис очень беспокоится о вашем здоровье. Он волнуется. Я тоже волнуюсь.

— Вот как? — переспросил Тень.

— На все сто. Я хочу сказать, вдруг с вами что-то случится, пока вы в нашей стране? Может, через

дорогу не в том месте перейдете. Пачку денег покажете не в том пабе. Мало ли что? Проблема в том, что, если вы пострадаете, то — как там ее зовут? — мамаша Гренделя может неверно это понять,

— Ну и?..

— И мы считаем, что вам лучше уехать из Англии. Так ведь для всех будет безопаснее, правда?

Некоторое время Тень молчал. Поезд начал замедлять ход.

— Ладно, — сказал Тень наконец.

— Это моя станция, — сказал Смит. — Я тут выхожу. Мы закажем вам билет — разумеется, первым классом, Куда бы вы ни направились. Билет в один конец. Только скажите, куда хотите поехать.

Поезд остановился. Не станция даже, маленький полустанок, как будто посреди нигде. У перрона, на жиденьком солнышке был припаркован большой черный автомобиль. Стекла в окнах были затемненные, и Тень не смог разглядеть, кто в нем.

Опустив окно купе, мистер Смит открыл снаружи дверь вагона и ступил на платформу. Потом повернулся, чтобы через открытое окно погля-

деть на Тень.

— И?..

— Думаю, — сказал Тень, — я несколько недель погуляю по Англии, посмотрю местность. Вам придется просто молиться, чтобы, переходя улицу, я смотрел по сторонам.

— А потом?

И тут Тень понял. Возможно, он с самого начала это знал.

— В Чикаго, — сказал он Смиту, когда поезд дернулся и начал отъезжать от станции. Произнося эти два слова, Тень почувствовал себя старше. Но нельзя же откладывать это вечно.

А потом добавил так тихо, что слышать мог только он один:

— Наверное, я возвращаюсь домой.

Вскоре пошел дождь: огромные капли разбивались о стекла, по окнам хлестали серые струи, отчего весь мир расплывался пятнами серого и зеленого. В пути на юг Тень сопровождали утробные раскаты грома. Ворчала гроза, выл ветер, молнии отбрасывали на небо гигантские тени, и в их обществе Тень понемногу начал чувствовать себя не таким одиноким.